

ПРОЕКТ
«АНТИ-РОССИЯ»

НИКОЛАЙ
ДОЛГОПолов

ГЛАВНЫЙ
ПРОТИВНИК

ТАЙНАЯ
ВОЙНА
ЗА СССР

Николай Михайлович Долгополов
Главный противник. Тайная война за СССР
Серия «Проект «АнтиРоссия»»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373006
Главный противник. Тайная война за СССР: ООО "Алгоритм-Издательство"; Москва; 2011
ISBN 978-5-6994-8882-7

Аннотация

Книга журналиста и писателя Николая Долгополова «Абель-Фишер» стала недавно бестселлером. Лауреат литературной премии Службы внешней разведки, рассказывая о советских разведчиках, обнаруживает секреты операций могущественнейшей из служб. Это не выдуманные истории, вычитанные из современной прессы, а информация от первых лиц, с которыми довелось встречаться автору. Из этой книги читатель узнает подробности о связниках полковника Абея, об агентах Маркуса Вольфа и многом другом, что еще недавно находилось под грифом «секретно».

Содержание

Пара слов от автора	4
Защита от внешних угроз	6
Часть первая. Герои разведки	10
Сильный духом	11
Герой с трагическим оттенком	18
Бомба на блюдечке	33
Уроки Барковского	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Долгополов Н. М

Главный противник.

Тайная война за СССР

Пара слов от автора

Это книга о людях разведки. Меньше всего мне хотелось показать их схематичными героями, эдакими дисциплинированными, натренированными роботами, запрограммированными на подвиг во имя и неминуемую удачу ради... Нет, этим людям часто выпадает столько испытаний, страданий, а порой обиднейших недоверия и подозрений, что на их месте другие сломались бы, не выдержали.

Профессия разведчика уникальна не потому, что увлекательна или становится посильной ношей лишь для горстки отмеченных редчайшими способностями, природой данными и учителями воспитанными. Нет. Разведка, особенно нелегальная, о которой немало рассказывается в этой книге, невольно обрекает на самопожертвование. И каких бы успехов не добился человек, живущий не своей жизнью, по чужой легенде, его деяния, как правило, не превращаются в предмет всеобщего достояния и восхищения. Его подвиг – для узкого круга молчаливых посвященных. Но вот результат работы пожинают, чаще всего, и не подозревая об этом, десятки миллионов. Где бы мы были, если бы разведка не добыла секретов создания атомной бомбы? Об ответе, абсолютно простом, бесхитростном, но каком трагичном, и думать не хочется.

Известность к безымянным представителям этой профессии приходит, как грустное правило, после разоблачения противником из-за предательства, как это случилось с нелегалами Абелем – Фишером и Молодым, или в самом конце длинной жизни – так было с супругами Мукасеями. Впрочем, есть и счастливые исключения – супружеская пара нелегалов Вартанянов. Но вспомним тогда и превращенного почти в хрестоматийного Николая Кузнецова. Вечно бодрого, подтянутого, ставящегося в пример целым поколениям, но как тяжело жившего и так рано лишенного жизни.

Сразу предупрежу читателя: практически за каждым сюжетом или даже раскрытым оперативным эпизодом прячется слово «почти». До сих пор под грифом «сов. секретно» некоторые настоящие фамилии, присутствует определенная недосказанность, когда за интригующим началом обязательно должно последовать продолжение, публикация которого затягивается на десятки лет. Порой и события давней поры смещены во времени. Нельзя называть стран и действовавших там верных помощников.

И все-таки разведка постепенно, неторопливо, со вдумчивой осторожностью раскрывает тайны, которым, казалось, оставаться лишь ее собственными. Выходят на свет новые имена, а с ними и новые подвиги. К примеру, мы подробно, пусть и в пределах на сегодня дозволенного, рассказываем о деятельности нелегала, Героя России Алексея Козлова. Выданный предателем Гордиевским, он два года провел в камере смертников в ЮАР, был обменен на 11 (!) шпионов, а вскоре после этого снова взяв чужое имя, отправился в разведку. Уже знакомые нам персонажи обретают более конкретные черты. Так в этой книге о полковнике – нелегале Африке де Лас Эрас рассказывает ее ученица, пока появившаяся у нас под псевдонимом Т.И. И даже, казалось, в досконально изученную биографию легендарного Николая Кузнецова добавляются неизвестные штрихи. Впервые приоткрывается завеса над тем, что же делали после Великой Отечественной, сорвав в 1943-м покушение на Большую тройку в Тегеране, Герой Советского Союза Геворк Вартанян и его жена Гоар. А ведь они снова

стали нелегалами на долгие три с лишним десятилетия. Перед 100-летним юбилеем поведал некоторые подробности своих с супругой 22-х лет, как говорят в разведке, «в особых условиях», ныне ушедший Михаил Мукасей... В этой книге мы впервые упоминаем, пока лишь упоминаем, одного из Героев Советского Союза, около двух десятилетий проработавшего под чужим именем в далеком зарубежье.

Словом, разведчики продолжает тихую и нужную свою работу. Мертвых сезонов в разведке не бывает.

Защита от внешних угроз

Это первое интервью Директора Службы внешней разведки Михаила Ефимовича Фрадкова на важном посту. В декабре 2010-го в канун 90-летия Службы он ответил на вопросы «Российской газеты», которые привожу в книге. Беседа – строгая, без всяких вольностей. Однако уверен, читателю станет теперь более понятно, чем живет разведка сегодня.

– Михаил Ефимович, как СВР отмечает свой праздник? На торжественном собрании в штаб-квартире в Ясеневе 15 декабря выступил Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Можно ли узнать какие-нибудь подробности?

– Собрание действительно прошло в торжественной, запоминающейся обстановке. Президент Д.А.Медведев поздравил сотрудников с 90-летием СВР и вручил Службе Грамоту Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации за работу по защите нашей страны. Он подтвердил, что руководство страны понимает необходимость и важность внешней разведки для России. По его оценке наша Служба сохраняет все возможности для оперативного, качественного, эффективного решения поставленных перед ней задач, и в настоящий момент входит в сообщество наиболее сильных и конкурентоспособных разведок мира.

В зале присутствовали представители всех подразделений Службы – руководство, опытные сотрудники, вышедшие в отставку ветераны и, конечно, молодежь. Многие из наших молодых работников, наверное, впервые увидели своих старших товарищей с орденскими планками на костюмах – у нас такое происходит очень редко, только по большим праздникам.

Мы отказались от традиционного праздничного доклада и показали Президенту специальный фильм о нашей работе.

Затем состоялось награждение наших лучших работников. Награды вручались не «юбилейные», а за конкретные результаты, о которых, возможно, станет известно лишь через много лет.

Заседание в штаб-квартире СВР – центральная часть общей программы, посвященной празднованию 90-летия разведки. В силу понятных причин по большей части эти торжества носят закрытый характер, однако есть и публичные мероприятия, как, например, выставка «90 лет российской внешней разведке» в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Музей этот на Поклонной горе.

– История внешней разведки содержит немало героических страниц. Какие из них вы хотели бы вспомнить сегодня?

– Для меня история нашей разведки связана, прежде всего, с необыкновенными людьми, в ней служившими, отдавшими ей всю свою жизнь.

Николай Кузнецов – один из девяти разведчиков, получивших звание Героя Советского Союза за подвиги, совершенные на оккупированной немцами территории в годы Великой Отечественной войны.

Алексей Ботян, выполнявший специальные задания за линией фронта и послуживший прообразом героя фильма «Майор «Вихрь»». Высшая награда нашла его только в 2007 году, когда ему было присвоено звание Героя России.

Всего же в тылу врага сражались свыше 13 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов.

Ким Филби – легенда разведывательного мира XX века, проникший в руководство английских спецслужб и оказавший неоценимые услуги нашей стране во время войны и после нее. В ходе нынешних торжеств мы открыли в Москве памятную доску, посвященную Филби.

Владимир Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов, Анатолий Яцков, супруги Моррис и Леонтина Коэны – все они, вместе с другими товарищами по разведке, сыграли важную роль в создании атомного оружия в нашей стране.

Рудольф Абель, Конон Молодой – наши герои-нелегалы тяжелых лет «холодной войны». Живущие среди нас и продолжающие работать выдающиеся разведчики Джордж Блейк, Алексей Козлов, супруги Геворк и Гоар Вартаняны.

Невольно обижаю многих замечательных коллег – формат интервью и правила конспирации не дают возможности назвать имена всех героев разведки. Скажу лишь, что мы не просто гордимся ими, а следуем их примеру, стараемся упрочить честь и достоинство нашей организации, имеющей столь замечательную историю.

– *Что нового происходило во внешней разведке в последние годы?*

– Наш коллектив состоит из высококвалифицированных специалистов своего дела, имеет ясные, сформулированные руководством страны задачи, соответствующий инструментарий для их решения, опирается на твердую законодательную базу.

Вместе с тем разведка – живой организм. В последние годы нами были проведены кадровые перестановки, определены новые приоритеты, проанализировано положение дел на основных направлениях разведдеятельности, приняты меры по повышению ее эффективности и результативности, по стимулированию мотивации сотрудников, подъему авторитета Службы.

По большей мере это наши «домашние дела». Но в то же время были и знаковые события, такие, как вручение нам Дмитрием Анатольевичем Медведевым знамени СВР и штандарта Директора Службы.

– *Не раскрывая никаких государственных тайн, все же расскажите, пожалуйста, об основных направлениях деятельности Службы.*

– Главной задачей СВР России, как это было на протяжении всей нашей истории, остается защита России от потенциальных внешних угроз. Список этих угроз меняется в зависимости от изменения обстановки в мире и приоритетов нашей страны на данный момент времени. Наша обязанность – вовремя предупредить руководство страны об обострении кризисных ситуаций в мире, о возможных враждебных России внешних акциях – политических, экономических, военных и любых других.

Разведка содействует успешной реализации внутренней и внешней политики России, нацелена на поддержку процесса модернизации нашей страны, создание оптимальных условий для развития ее науки и экономики.

Сегодня мы не ведем «тотальную» разведку, а сосредотачиваем внимание на сфере интересов Российской Федерации, стремимся экономно, рационально расходовать наши ресурсы. Другое дело, что многие современные международные проблемы приобретают глобальный характер.

В настоящее время мы внимательно отслеживаем угрозы международного терроризма и наркотрафика, распространения оружия массового уничтожения, появления новых государств, обладающих ядерным оружием.

– *Насколько востребована информация, добываемая нашей разведкой, каковы ее оценки?*

– Внешняя разведка много сделала за последние годы, чтобы быть адекватной переменам на международной арене. Новые условия выдвигают новые требования, новые задачи, изменяют акценты в нашей деятельности, заставляют подчас по-новому смотреть на нашу работу. Без этого результаты труда разведчиков просто не могут быть востребованы в нынешней обстановке.

Вопреки распространенному мнению, качество работы разведслужбы в современных условиях определяется не всплеском отдельных блистательных операций, о которых обще-

ственность узнает в любом случае не раньше, чем через 30–50 лет. Главный показатель качества разведдеятельности – стабильность ежедневной кропотливой, методичной работы по добыванию и предоставлению руководству нашей страны достоверной и своевременной информации по вопросам, затрагивающим национальные интересы России.

Сегодня можно сказать: информация СВР востребована. Наши основные потребители – Президент и Председатель Правительства России. Хочу подчеркнуть, что материалы наверх идут не приглаженные, не подстраивающиеся под настроения потребителей, а объективные и честные.

Лучшей оценкой добываемых разведкой сведений является их реализация высшим руководством страны, выражающаяся в принятии государственных решений.

– Одно время пресса была полна домыслов и предположений на тему предательства в СВР, которое привело к аресту в США группы разведчиков-нелегалов. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Согласно действующим правовым нормам, сегодня я не могу говорить о конкретных аспектах этой истории.

Неудачи случаются у всех спецслужб мира. Особенно тяжело, когда они связаны с изменой Родине. Этому не может быть никаких оправданий – недаром Данте поместил изменников в самом последнем девятом кругу ада.

В этой ситуации мы благодарны руководству страны за то, что оно с пониманием относится к случившемуся. Когда разведчики чувствуют поддержку со стороны своего государства, они работают уверенно и смело.

– Деятельность внешней разведки окутана завесой секретности. Как осуществляется надзор за ее работой?

– В соответствии с Федеральным Законом «О разведке» за деятельностью СВР осуществляется парламентский контроль в порядке, установленном федеральными законами. В свою очередь Счетная палата РФ проверяет исполнение утвержденных Государственной Думой и Советом Федерации смет расходов на содержание органов внешней разведки России.

Мы поддерживаем тесные рабочие отношения с целым рядом комитетов Госдумы и Совета Федерации.

Кроме того, надзор за исполнением органами внешней разведкой федеральных законов осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры. В предмет прокурорского надзора не входят сведения о лицах, оказывающих СВР конфиденциальное содействие, а также об организации, методах и средствах осуществления Службой своей деятельности.

Наконец, хочу напомнить, что мы являемся федеральным органом, непосредственно подчиненным Президенту Российской Федерации, который внимательно следит за нашей работой.

– Как идет подготовка новой молодой смены разведки?

– В настоящее время СВР не испытывает проблем с подбором молодых кадров. Служба привлекает к себе молодежь перспективной интересной работой, уникальной профессиональной подготовкой, способствующей многогранному развитию личности, хорошим социальным пакетом.

Главное, однако, и для кандидатов, и для нас – это мотивация их решения работать в разведке. Мы ищем, прежде всего, людей, искренне желающих посвятить жизнь защите своей страны. У нас ценятся такие качества как патриотизм, высокая ответственность за порученное дело, дисциплинированность, развитое чувство товарищества, инициатива. Кроме того, молодой человек должен быть хорошо образован, обладать широким кру-

гозором, гибким умом и оставаться равнодушным по отношению к людям и окружающему сложному и противоречивому миру.

Обучение молодежи не заканчивается в нашей Академии. После ее окончания начинается подготовка к командировке, углубление языковых и страноведческих знаний – словом разведчик учится всю свою жизнь.

– *Какова судьба разведчиков, уходящих в отставку?*

– Служба старается не бросать своих отставников и в меру имеющихся возможностей заботиться о них. Для нас они – носители традиций и бесценного оперативного опыта, который нужно передавать молодежи. Мы уделяем особое внимание реализации предусмотренных законом мер по усилению социальной защищенности ветеранов, оказанию им дополнительной финансовой помощи, улучшению медицинского обслуживания и жилищных условий. У нас активно работают объединения ветеранов разведки, которые также оказывают поддержку пенсионерам.

А жизнь в отставке, разумеется, у всех складывается по-своему. Некоторые наши отставники успешно работают на гражданской службе и в частном бизнесе. Другие полностью посвящают себя семье. Расхожая сентенция о том, что разведчик навсегда остается разведчиком, справедлива не всегда. Но для большинства наших отставников Служба действительно остается важнейшим событием их жизни, они болеют за судьбу СВР, они являются нашей совестью и хранителями идеалов верности Родине и долгу.

– *Как и чем живет разведка в дни празднования своего 90-летия?*

– Несмотря на юбилейные торжества, разведка не снижает темпов своей деятельности, не ослабляет усилий по добыванию, обработке и анализу информации. В нашей штаб-квартире идет напряженная, планомерная работа.

И в эти дни мы стремимся оперативно реагировать на развитие ситуации в том или ином регионе, своевременно выработать соответствующие предложения руководству нашего государства. Поэтому и нашим товарищам «в поле», и нам в Центре приходится работать, не считаясь ни со временем, ни с наступившими торжествами.

Хочу отметить, что в эти дни Служба внешней разведки получает большое число поздравлений от наших коллег из других силовых ведомств от представителей государственных, общественных организаций, от граждан России. Большое спасибо всем за теплые слова и поздравления. Со своей стороны желаю им доброго здоровья и успехов.

Часть первая. Герои разведки

Итак, Герои разведки названы. О некоторых из них, которым присвоены звания Героев Советского Союза и Героев России, мне бы хотелось рассказать в этой первой части книги. Получилось так, что был, не побоюсь этого слова, хорошо знаком с Героями России – атомными разведчиками Владимиром Борисовичем Барковским и Александром Семеновичем Феклисовым. В друзья к Моррису Коэну себя не записываю, но оказался единственным российским журналистом, больше четырех часов проговорившим с Героем России, который, будем откровенны, с помощью жены, тоже Героя России, Лоны Коэн доставил прямиком в руки разведки важнейшие документы по атомной бомбе. Не считите за нескромность, но Герой России Геворк Андреевич Вартанян и его супруга Гоар Левоновна из главных персонажей моих книг постепенно превратились в друзей. С Героем России Алексеем Михайловичем Козловым мы довольно долго привыкали друг к другу. Но постепенно нашли общий язык и сохраняем отношения добрые и уже многолетние. Лишь издали – да и то на футболе – видел страстного болельщика, заметьте, «Спартака», не «Динамо», Джо Ковалю, как оказалось тоже атомного разведчика, которому звание Героя России было присвоено уже посмертно, в 2007-м. И еще об одном Герое, чье имя неизвестно, расскажу буквально на одной страничке, потому что пока нельзя. И даже имени не назову, ибо вряд ли будет когда-нибудь можно. Но хочу, чтобы читатели знали: такой человек был. И дела его остались, как и память о том, что он свершил.

СИЛЬНЫЙ ДУХОМ

Однако начну с Дмитрия Медведева. Знаменитый партизанский командир, обласканный славой и увенчанный званием Героя Советского Союза. Автор книг «Сильные духом» и «Это было под Ровно», известных каждому советскому школьнику. Полковник-чекист, на которого призывали равняться. И человек, перенесший опалу, ссылку, смерть брата, сгинувшего в ГУЛАГе. Статный красавец Дмитрий Николаевич Медведев умер в 56 лет от сердечного приступа. Еще при жизни он стал легендой. О неизвестных штрихах его яркой судьбы мне многое рассказал писатель Теодор Гладков, а затем и сын Медведева – Виктор Дмитриевич. Это глава написана благодаря им.

В ЧК Медведев пришел в 1920-м. Тогда же принят в партию – и оставался всегда правоверным коммунистом. Орденов в те времена было маловато, однако наградами Медведева не обделяли: именное оружие, золотые часы, серебряный портсигар. А в 1932-м одним из первых на Украине получил звание Почетного чекиста.

Прославился Медведев тем, что раскрыл в Крыму мощную контрреволюционную организацию. Внешность у сына мастера-сталевара из-под Брянска была аристократическая, выправка – гвардейская. Этим и воспользовались. Знали, что в Крыму ждут эмиссара из-за кордона. Его роль сыграл Медведев. Проехался по всем отделениям, выдавая себя за долгожданного посланца «оттуда». В результате тех гастролей арестовано чуть ли не пять сотен человек.

Кстати, с киношной внешностью Дмитрия Николаевича связана забавная история. Только-только получил назначение в Одессу, где его утвердили начальником отдела. Через пару дней заместитель Медведева прибежал к нему в панике:

– Ваш портрет метр на метр висит в фотоателье на Дерибасовской.

Оказалось, снял его уличный фотограф просто так, как щелкал сотни прохожих. Но проявили пленку, и увидели, что мужчина – ну прямо киногерой. И вывесили на витрину как завлекаловку: вот какие у нас снимаются. Фото все-таки пришлось убрать.

У вечно занятого борьбой с врагами Дмитрия Николаевича находилось время и на дела иного рода. Во времена жуткого голода на Украине чекисты во главе с Медведевым создали за свой счет коммуну для беспризорных ребятишек. Собирали деньги, отдавали продукты из собственных пайков. Даже с благотворительными концертами выступали. Устроили и лотерею с немедленной выдачей выигранного. Медведев пожертвовал в качестве главного приза небывалую по тем годам ценность: новенькие хромовые сапоги. Да, такого человека было за что любить и примечать наградами.

И вдруг в 1936-м – травля. Брат, член партии с 1912-го года, оказался оппозиционером, и Медведева исключают «из рядов». Заявления, просьбы, напоминания о собственных заслугах – ничего не помогает.

Но было в характере Дмитрия Николаевича нечто, довольно точно подмеченное чекистскими кадровиками: «Характер мягкий, но строптивый». И в 1937-м помощник начальника управления НКВД Харькова (тогдашней украинской столицы), самовольно приезжает в Москву. Бросает в ящик письмо безжалостному наркому Ежову и самому Сталину. Суть послания: «Сижу в зале Курского вокзала у бюста товарища Сталина и прошу за мною приехать. Если меня не примете, объявляю голодовку». В НКВД поднялся переполох. Почетный чекист имел право носить оружие и без особого разрешения входить в любое помещение органов, кроме тюрьмы. А вдруг окажет сопротивление и станет стрелять?

Короче, за Медведевым приехали и разобрались. Был он капитаном госбезопасности – чин, равный армейскому полковничьему. Решили не сажать. Даже оставить в партии и

в НКВД. Но не в главном управлении госбезопасности, откуда за строптивость Медведева убрали. Перевели в ГУЛАГ.

Сначала его отправляют на строительство Беломоро-Балтийского канала в Медвежье-горск. Затем перебрасывают еще дальше – в Норильск. По существу, та же ссылка.

И здесь опальный Почетный чекист вновь проявил строптивость. Заключенных, отбывших свое, освобождать было не принято, навешивали им обязательно второй срок. А Медведев людей освобождал. Разразился жуткий скандал. И в конце 1939-го Дмитрия Николаевича уволили из органов с уникальной формулировкой: «за необоснованное массовое прекращение следственных дел». Но поднимать шум не решились, и в официально-парадной биографии героя до сих пор значится стандартное: «Уволен по состоянию здоровья». Медведеву был тогда 41, а выслуга лет с учетом войн – 42 года.

Накопленных за десятилетия службы денег хватило на покупку маленькой дачи в Подмосковье, где Медведев со своей второй женой и обитал до 22 июня 1941-го. Парадокс, но война спасла от новых крупных неприятностей. Чекист-пенсионер встал на партучет в Люберцах, где его сделали лектором. И со свойственной прямоотой на одной из лекций рубанул: пакт с Германией вот-вот рухнет, к неизбежной войне надо готовиться. Донос последовал немедленно, закрутилось дело...

Но в первые же дни войны в НКВД была создана особая группа при наркоме. Потом она превратилась в 4-е Управление во главе с генерал-лейтенантом Павлом Судоплатовым. Цель – организация разведки и диверсионной, боевой работы на оккупированной территории. Опытных людей катастрофически не хватало. И тогда Судоплатов обратился к Берии с просьбой освободить из тюрем и лагерей чекистов, которых еще не успели расстрелять. Так вышли на свободу известные разведчики Зубов, Серебрянский, Каминский... Вернули выгнанных Медведева, Фишера (Абеля), Лукина...

Медведев ушел в немецкий тыл в августе 41-го. По образцу того первого разведывательного отряда, названного по имени командира «Митя», строились и остальные. В составе – разведчики, контрразведчики, пограничники, спортсмены-динамовцы.

«Митя» действовал в тылу до января 42-го. Медведев объединил специфическую чекистскую работу с массовым партизанским движением. Но для этого Дмитрию Николаевичу пришлось опять рискнуть. По Иосифу Сталину, все военнопленные считались изменниками Родины. А Медведев брал к себе бежавших из лагерей и окруженцев.

«Вам забросят агентов гестапо», – стращали большие начальники. «На то мы и чекисты, чтобы разобраться», – отвечал командир. И действительно раскрывал агентов. А военнопленных не отталкивал, брал, и те не подводили. Уходило с Медведевым 33 человека, вернулось 330, да еще несколько отделившихся от «Мити» отрядов остались за линией фронта.

Не боялся он использовать и местных жителей, которые по каким-то причинам оказались сотрудниками оккупационных учреждений. Не принято это было до Медведева: всех таких поголовно считали предателями.

И еще невероятно важное: именно Медведев начал первым проводить боевые операции силами нескольких партизанских отрядов. Иногда по согласованию с командованием Красной Армии. Так, в разгар немецкого наступления на Москву четыре отряда перерубили железнодорожные ветки, на которых скопилось три десятка эшелонов, а наша бомбардировочная авиация точно в оговоренный час одним налетом их вдребезги разбила.

Случалось, донесения групп Медведева доходили даже до Сталина. С ними знакомился начальник Генерального штаба маршал Шапошников, Жуков. Первый свой орден Ленина из четырех Медведев получил за «Митю».

Дважды за это время Медведева ранили. Один раз – в коленную чашечку, и печальный исход был тогда уж совсем близко. Но вынес из боя и тащил своего командира несколько километров, утопая в глубоких снегах, верный адъютант. Такое было под силу только чело-

веку невероятной воли и физической мощи. И того, и другого было в достатке у абсолютного чемпиона СССР по боксу, тоже легендарного Николая Федоровича Королева.

За первым отрядом был второй, потом третий. А последним своим боем израненный Медведев командовал, сидя на стуле, будто Наполеон...

Потом Москва, госпиталь. Выяснилось, что поврежден позвоночник: никак нельзя было с его солидным весом и ростом прыгать с парашютом. Он же, конечно, прыгал.

В 1946-м пришлось уйти из органов. Может, и лучше? Новый министр НКВД Абакумов принялся сажать и расстреливать тех, кто сидел или был в опале до 1941 года и кого не убили немцы. Переживал Медведев тяжело, однако и здесь выдюжил. Страна зачитывалась его книгами «Это было под Ровно», «Сильные духом». Школьники сбегали с уроков, а студенты с лекций, чтобы послушать медведевские передачи по радио: тогда впервые и прозвучали имена Кузнецова, Приходько, Цесарского.

Написал он и книгу «На берегах Южного Буга» – о винницком подполье. И тут закрутилось невероятное. Недобитые бандеровцы подняли грязную волну. Героев Медведева объявили предателями, бандюг же и прихвостней превозносили. Бывшее ведомство чекиста-героя хранило непонятное молчание. Зато некоторые газеты поддержали травлю.

Откуда такие злоба, зависть?.. 14 декабря 1954 года, в своей квартире в Старопименовском переулке, он говорил об этом с боевым другом Валентиной Довгер. Валя вышла на кухню сварить кофе. Вернулась – Медведев был мертв. Сердце не выдержало.

Потом эту улицу, где жил и умер Медведев, назвали его именем. А недавно опять переименовали. Господи, ну Медведев-то чем и нам, нынешним, не угодил? Простите, Дмитрий Николаевич...

Думал я, что ничего нового о Медведеве уже не отыщется. Но повезло. Так бывает, нечасто, но бывает. Иногда по прошествии лет находят меня родственники героев моих книг и фильмов. Не скрою, приятно. Значит, читали, приняли, и, преодолев понятное стеснение, решили поведать нечто новое о родителях. Всегда встречи эти и трогательны, и полезны. Кому как не дочерям с сыновьями – о родителях.

Разыскал меня Медведев – младший. Договорились о встрече, и когда Виктор Дмитриевич появился в кабинете, чувство было такое, будто заглянул в гости сам знаменитый разведчик. Гены не подвели, сходство – поразительное.

– Об этом говорят многие, – улыбнулся Виктор Дмитриевич. – Похож. Горько, но отец ушел рано, в 1954-м, было ему всего-то 55, я родился в 1947-м. Совсем мальчишка, но детские годы, постоянное общение с отцом запомнились. Папа уже в отставке, работал дома, а я учился в школе, в двух шагах от дома, и много время мы проводили вместе. И мама моя, от которой у папы секретов не было, часто о нем рассказывала, память об отце в нашем доме осталась, хранится.

Не претендую на роль историка или единственного свидетеля. Пришел к вам, чтобы показать вот эти рисунки. Когда моя мама весной 1968-го уже после ухода отца лежала в госпитале КГБ на Пехотной, подошел к ней интеллигентный немолодой человек. Узнал, что она – вдова Героя Советского Союза Дмитрия Медведева. Оказалось, знаменитый нелегал Рудольф Иванович Абель. Подарил маме четыре миниатюры, вот, видите, на одной даже посвящение «Татьяне Ильиничне Медведевой и сыну Виктору от почитателя Вашего отца и мужа. 25.IV.-68. Р. И.Абель». Больше 40 лет прошло, и мамы моей нет, а рисунки храню.

– Вы знаете, они мне знакомы. Вильям Генрихович эти крошечные пейзажики, в основном виды Подмосковья, что недалеко от его дачи, преподносил с дарственными надписями близким. И, вот она дисциплина, почти всегда подписывался не Фишером, а Рудольфом Абелем. Кое в чем судьба его схожа с вашим отцом. Два великолепных профессионала были отстранены от работы в органах. И обоих вернули в начале войны. Вашего отца раньше, Абеля – Фишера – чуть позже.

- Отца попросили из органов осенью 1939-го. Сказали: по состоянию здоровья.
- В те страшные времена могло быть и хуже.
- Отец поселился в Томилине. Там и жил до войны.
- Медведев был человеком справедливым, тех мерзостей, что некоторые творили в НКВД, не терпел. Правда ли, что одним из формальных предлогов для отстранения от службы стал арест брата?
- Давайте начнем с того, что в семье, жившей в Бежице, недалеко от Брянска, было 13 детей. Выжили девять. Четыре брата, пять сестер.
- И все четыре брата работали в ЧК?
- Все четыре. Старший Александр, большевик еще с дореволюционным стажем, участвовал в партийных съездах, стал первым председателем Орловского ЧК. Был репрессирован как якобы участник «рабочей оппозиции». Погиб в лагерях. И тут пострадали все остальные братья. Не вернулся из лагерей Михаил – самый младший. Второй брат, Алексей, на год папы старше, сидел, но выжил, возвратился. А отца – попросили «по здоровью».
- И только когда немцы уже были совсем близко от Москвы, вмешались в его судьбу Берия и Судоплатов.
- Расскажу вам так, как это воспринималась отцом и нашей семьей. Война началась, и папа приехал из Томилина, где обосновался, в Москву, пошел к Берии и пробился. Говорил о Денисе Давыдове...
- О том самом гусаре, что командовал партизанскими отрядами в 1812-м, когда Наполеон захватил Москву.
- Были у отца именно такие аналогии. С первых дней войны, в конце июня, понял, к чему идет, чем может закончиться. Партизанское движение, действовавшие в тылу противника отряды можно было создавать по примеру тех, что возглавлял Давыдов. И почему бы нам не сделать то же самое. Я об этом герое услышал очень рано. Еще когда мама давала мне читать отцовский дневник.
- Ведение дневников не поощрялось, особенно во время войны.
- Но отец, вернувшийся на службу в июне 1941-го, его вел, писал, возможно, и не очень регулярно. Записи сохранились. Они, по-моему, достояние органов, потому что есть там некоторые такие сведения... Но я сам читал отцовское: «был на приеме у ЛП», «говорил с ЛП». Спрашиваю, это уже потом в 1960-е, в 1970-е даже: что за ЛП? Объяснили – Лаврентий Павлович Берия. Бывал мой отец у ЛП, он пробивал эту идею. Создание отрядов, заброски в тыл врага.
- Считается, что это идея любимца Берии, генерала Павла Судоплатова.
- Отец через Судоплатова и шел. У него с Павлом Анатольевичем были нормальные отношения. Судоплатов, посаженный после расстрела Берии, вернулся, отсидев долгие годы во Владимирском центральном. Он к нам приходил 14 декабря – это день смерти отца. Когда мама была жива, в нашей квартире, тогда еще в Старопименовском переулке, потом в честь отца на улице Медведева, теперь вот снова Старопименовском, собирались все оставшиеся друзья, близкие. Каждый год, и много народу. Партизаны, чекисты, в том числе и Судоплатов, еще несколько переживших ссылки – лагеря. В 1950-е возвращались отца знавшие. Люди – самые разные. Некоторые говорили на иностранных языках блестяще. Не поверите, но среди них были и изучавшие английский там, в ссылке. Вот такой контингент вернувшихся.
- Вы знаете, мне до сих пор многое в отношении тогдашних властей к вашему отцу непонятно. В 1944-м – присвоение звания Героя Советского Союза, в 1946-м – четвертый орден Ленина, и тут же в 48 лет – отставка. И генерала не дали.
- Оставался отец полковником. Что я вам могу тут сказать? Был я мал, но помню, папа переживал. Конечно, не из-за чинов. Но работал, выступал с воспоминаниями. И заме-

тили его. «Там» намекнули, что слог хороший, может быть, что-нибудь напишите? И порекомендовали молодого выпускника факультета журналистики, чтобы помогал в литературной работе. Это был Анатолий Борисович Гребнев.

– Тесен мир. Очень хорошо мне знакомый человек. Стал он потом одним из лучших сценаристов нашего кино.

– А тогда они вместе написали пьесу «Сильные духом», она и в Москве шла. Союз их творческий продолжился. Гребнев помогал в литературном плане, и когда писалось «Это было под Ровно», и в последующих книгах. Заходили они с женой Галиной к нам в Старопименовский. А с Анатолием Гребневым мы общались до самой его кончины. Он и на свадьбе у меня был.

– Гребнев с супругой – родители моего школьного друга – сценариста и кинорежиссера Александра Миндадзе.

– Да, тесен мир. Книгу «На берегах Южного Буга» Гребнев доделывал, потому что отец умер, когда она еще не вышла. У папы, как раз были большие неприятности с этим Винницким подпольем, и книгу по ряду причин не могли издать.

Тут, знаете, у меня воспоминания детские, но яркие. Мне шесть лет, в школу еще не пошел. Наша квартира одно время превратилась в общежитие. Я, маленький, вставал рано и буквально переступал через спавших повсюду людей. Это начались в Виннице гонения на членов винницкого подполья. Времена-то суровые, 1953-й год, и в Москве они, приехавшие с Украины, просто физически выживали. Здесь, и при помощи отца тоже, их как-то сохраняли, отбивали.

– Что же это было?

– Были какие-то непонятные для меня трения между украинскими чекистами и московскими. А люди, рисковавшие в войну в подполье, приезжали спасаться в Москву. Понятно, приходили к отцу. В Виннице, видно, подняли головы бывшие националисты. Я сейчас, рассказывая о папе, не хотел бы слишком глубоко, чтя его светлую память, в этот сложный вопрос вдаваться. Но многие, кто служили полицией, кто выпускал винницкую фашистскую газету, вдруг оказались патриотами. И устроили гонения на тех, о подвигах которых отец с таким уважением писал в книге «На берегах Южного Буга». Да, это была большая война. И «Литературка», которую возглавлял фронтовик Константин Симонов, плохо выступила. Поддержал он ту сторону конфликта. Почему? Не ко мне, я мал был, особо ничего не понимал, все знаю уже по рассказам. А в нашей большой квартире просто проходной двор, люди приезжали и жили, потому что в Виннице и в Киеве их бросали в застенки.

– Отец рассказывал вам что-нибудь такое, что не вошло в книги?

– Он вообще о том говорил сравнительно мало. Ну, к примеру, был такой день, который он всегда считал своим вторым днем рождения, когда спасся вопреки всему.

– Может, день, когда его, тяжело раненного, вынес из боя абсолютный чемпион СССР по боксу Королев?

– Нет. Королев спас его в первом отряде – «Митя». А то случилось уже во втором отряде «Победители», когда папу ранили. И хотя отмечали всегда как день рождения настоящую дату – 22 августа, отец вспоминал часто о совсем другом дне.

Он всерьез занимался литературным писательским трудом. Сидел, печатал на машинке как раз книгу «На берегах Южного Буга». И я почему-то рано научился читать. Ходил гулять в Пушкинский сквер, и видел бегущую строку над одним из зданий. Спрашивал, что за буквы, мне объясняли, и как-то неожиданно прочитал то, что бежит. На меня посмотрели удивленно. Мои успехи в деле чтения бегущей строки на «Известиях» решили продемонстрировать папе, он пошел со мной, я начал читать. Очень бодро прочитал первые бегущие буквы «Три кота» и, довольный, обернулся. Папа меня поправил, не «Три кота», а «Трико-

таж», не хватило терпения дожидаться последней буквы слова, если и так все понятно. А что такое трикотаж, я и представить не мог, мне начали объяснять. Все равно ничего не понял.

Отец спросил: кто научил читать? Взрослые, со мной гулявшие, этим не занимались. И я, совсем ребенок, вроде как подчитывал книгу «На берегах Южного Буга», которую давал мне отец. Я еще помню, там есть глава «Волк в овечьей шкуре». Удивляюсь, пап, что это, как понять? Он говорит: такое есть выражение. Объяснял популярно, что это предатель превращается, прикидывается. Спрашивал у него значение еще нескольких слов. Папа научился печатать, и я тоже, даже печатал довольно быстро. Была у него большая немецкая машинка.

Как-то маленьким гулял во дворе и встрял в какую-то передрагу: за кого-то заступился, подрался, пострадал, но победил. Мне это показалось по-детски необычайно важным, пришел домой взбудораженный и подробно рассказал папе все перипетии, запросив его оценку. Папа сказал, что, во-первых, я поступил благородно, заступившись за кого-то, а во-вторых, я поступил нехорошо, потребовав за это похвалы. Другими словами, но смысл таков. Я это запомнил на всю жизнь. Очень часто, уже будучи взрослым, встречал людей, которые были благодарны отцу за помощь. Никто об этом не знал, даже мама. Он мог помочь устроиться на работе, подбросить денег, дать полезный совет. И никогда не афишировал. Не принято это было у нас дома.

Хотя существовали некие сложности, о которых в семье волей-неволей говорили. Кого-то из знаменитых людей, писавших о партизанах, о подполье, принимали в члены Союза писателей, особенно на Украине, кого-то, как отца – нет.

– Непонятно почему?

– Действительно непонятно.

– Ведь он уже стал профессиональным литератором: «Отряд идет на Восток», «Это было под Ровно», «Сильные духом», вами упоминавшаяся «На берегах Южного Буга», пьесы... Многие его книги читают и сегодня.

– Можно сказать, да. Наверняка не слышали, – есть у него еще одна незаконченная повесть. Должна была по замыслу отца называться «Астроном». Это биография одного винницкого подпольщика, который там погиб. И папа взялся исследовать, изучать его жизнь с детства.

– Правда ли, что отец ваш внезапно скончался у себя в квартире на руках разведчицы Валентины Довгер? Она вышла на кухню, а вернулась...

– Так и было. Довгер часто у нас бывала, приезжала из Воронежа. У них общее партизанское прошлое, общие друзья.

– Разведчик, будущий Герой Советского Союза Николай Кузнецов был в отряде у вашего отца. Об обстоятельствах гибели Кузнецова много разговоров.

– Досужих, что могло быть так, а может, и иначе. Долго ведь искали – где, чего, куда? Обстоятельства гибели под вопросом: что было, как все это проистекло?

– Историк разведки Теодор Гладков считает, что ответ все же может быть найден. Полагает, что немецкие документы, попавшие в руки американцев, и сейчас у них в архивах.

– Думаю, в живых нет никого, кто мог бы рассказать. Но кое-что и кое о ком вспомнить можно. Вот вы в одной из своих книг упоминаете о семье нелегалов Гринченко, работавших в Латинской Америке. А ведь Симона Гринченко (Кримкер) была в партизанском отряде под Ровно у отца, ее в книге тогда нельзя было упоминать, а в дневниках о ней много написано. Вся наша семья с Симоной очень тесно общалась, когда папа был жив, и после его смерти. Летом 1955 года, первый год без папы, мы снимали дачу в Малаховке. И заехала к нам в гости странная семья, в составе Симоны и двух ее детей помоложе меня. Дети ни слова не понимали по-русски! Она с ними объяснялась, как я потом понял, на испанском. Только-только возвратились оттуда, и малыши даже не знали, не понимали, что они русские! Запомнилось.

И еще воспоминание, тоже навеяно одним вашим героем– разведчиком, жившим на улице Полянке. Дело в том, что в 1972-м мы разменяли нашу квартиру в Старопименовском на две, разъехавшись с мамой. Кстати, в квартиру на Старопименовском вселился известный артист балета и впоследствии хореограф Михаил Лавровский.

– Виктор Дмитриевич, мир не тесен, а мал. Его отец Леонид Лавровский жил с нами не то, что в одном доме и подъезде, а этажом ниже, прямо под нами в доме Большого театра на Тверской, тогда улице Горького.

– Так вот, я переехал в дом на Полянке, где теперь станция метро. И у меня создалось впечатление, что в нашем подъезде все, или почти все, были оттуда же, где раньше работал отец. Причем попадались довольно странные экземпляры. Дверь в дверь напротив жили пожилой вроде бы армянин с женой. Он практически не говорил по-русски и ни с кем не общался. Единственный раз попросил меня помочь, когда его жене стало плохо. Зашел я в квартиру, никакой мебели, одна плохонькая кровать и что-то на кухне. Еще на этаже жил очень немолодой мужчина, немецко-прибалтийского вида, по-русски не совсем не понимавший. Во всяком случае, за десять лет проживания там я не слышал от него ни единого слова. Жил еще генерал – с ним мы общались даже за пивом в заведении напротив. И судя по другим жильцам подъезда, которые практически не скрывали своей профессиональной принадлежности, все это были возвратившиеся нелегалы, так и не адаптировавшиеся к нашей жизни. Сколько лет прошло, было бы любопытно узнать: кто это такие.

– Но никогда не узнаем. Вы, судя по всему, по отцовским стопам не пошли?

– Нет, долгие годы был преподавателем, сейчас работаю в Центробанке.

ИЗ ДОСЬЕ

Медведев Дмитрий Николаевич – Герой советского союза, кавалер четырех орденов Ленина, 1898 года рождения, а на самом деле – 1899-го – прибавил год, чтобы в 1918-м взяли в Красную Армию. В ВЧК – с 1920-го. Работал в разных городах страны, а с 1936-го направлен на работу в ИНО (Иностранный разведывательный отдел). По некоторым данным, два года находился за границей. справедливый и бескорыстный, Медведев не признавал липовых дел, за что подвергался гонениям. Увольнялся из органов. один из главных организаторов и идеологов партизанского движения. дважды его отряды «Митя» (1941–1942) и «Победители» исключительно успешно действовали в тылу врага. отряд Медведева уничтожил более 12000 немецких солдат и офицеров. Из них 11 генералов. Это у него в «Победителях» (кодовое наименование «Разведывательно-диверсионная резидентура РДР 4/190») действовали легендарный разведчик Николай Кузнецов и будущий нелегал, а тогда радистка, Африка де Лас Эрас. После войны ушедший в отставку «по состоянию здоровья» Медведев написал несколько прекрасных книг о своих соратниках-партизанах.

Герой с трагическим оттенком

О деятельности нашей разведки во время Великой Отечественной войны известно и много, и, в тоже время, как ни странно, мало. Много, потому что набор известных имен и совершенных подвигов очерчен довольно широко и точно. Мало, ибо только сегодня появилась возможность пока еще не узнать – лишь догадываться, как все было на самом деле. Завеса секретности еще не снята – она приподнята. Неожиданно выясняется, что среди всенародно воспетых героев-партизан и фронтовых разведчиков едва ли не большинство – кадровые сотрудники разведки. По крайней мере, таков мой личный вывод.

И о Николае Кузнецове написаны десятки книг, сняты художественные и документальные фильмы. Соратник легендарного Дмитрия Николаевича Медведева и бесстрашный партизан, советский разведчик, 16 месяцев действовавший под личиной обер-лейтенанта Пауля Зиберта, и бесстрашный исполнитель смертельных приговоров фашистской элите.

ИЗ ДОСЬЕ

Кузнецов Николай Иванович (1911–1944), русский. Профессиональный разведчик. В период Великой отечественной войны руководитель разведывательно-диверсионной группы в городе Ровно Украинской ССР. Работал под видом офицера вермахта обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта. с 25 августа 1942-го по 8 марта 1944 года провел ряд разведопераций, добывая сведения стратегического характера. Так именно Кузнецов сообщил о готовящемся в Тегеране покушении немцев во главе с Отто Скорцени на Большую тройку – Сталина, Рузвельта и Черчилля. Проводил операции возмездия. Убит бандеровцами в ночь с 8-го на 9-е марта 1944 года. звание Героя советского союза присвоено посмертно, в 1944-м, награжден также двумя орденами Ленина.

Однако в жизни разведчика Николая Кузнецова многое до сих пор под грифом «секретно». Помогает снять этот гриф исследователь и историк разведки Теодор Гладков. Он работал с закрытыми архивами годами, «перелопатил» 300–400 томов. В том числе получил возможность ознакомиться с почти пятьюдесятью томами дела партизанского отряда «Победители», которым командовал другой Герой Советского Союза – Дмитрий Медведев и личного дела самого Кузнецова. Так открывались новые странички в биографии.

– Теодор Кириллович, вроде бы о Николае Ивановиче Кузнецове известно все. Но именно в новом ХХ веке о нем пишут и рассказывают столько... К уже сложившемуся и устоявшемуся образу безупречного героя добавляются новые черты. Кузнецова обвиняли чуть ли не в стукачестве: до войны, якобы, доносил на своих. Он и холодный убийца, и двойной агент, и оболститель – чуть даже не сводник, подкладывавший балерин из Большого чужим дипломатам.

– Стоп-стоп... Много трепы, ерунды, домыслов, сознательного искажения. Иногда желание приукрасить. Бывает, что и очернить. Но почему такой огромный интерес к Кузнецову? Наверно, и потому, что фигура необычайная, совсем для своих времен не типичная. И, это уж точно, не только, бесспорно, героическая, но и во многом трагичная.

Кем на самом деле был разведчик Кузнецов?

Действительно, есть в биографии Кузнецова кое-что неясное, недосказанное, о чем раньше предпочитали как-то умалчивать. Может это, до поры скрываемое, и дало повод к пересудам?

– Теодор Кириллович, в до сих пор заслуженно популярной книге Медведева «Сильные духом», написанной в начале 50-х и, наверно, чуть не сотню раз переизданной, автор мимоходом писал, что один из его подчиненных привел к нему Кузнецова в феврале 1942-го. Новый партизанский отряд Медведева как раз готовили к заброске в тыл фашистам, и Николай Иванович, инженер одного уральского завода, был представлен Медведеву как человек, прекрасно владеющий немецким и способный сыграть роль офицера вермахта. Позвольте вопрос прямой: сотрудничал до войны Кузнецов с органами или нет?

– Сотрудничал. Когда партизанский командир Дмитрий Медведев писал книгу «Сильные духом», прославившую и его, и погибшего в 1944-м Кузнецова, он не имел возможности рассказать о разведчике всю правду. «...Отряд Медведева должен был лететь под Ровно, и к ним пришел московский инженер, сказал, что знает немецкий. А через месяц появился Пауль Зиберт...» – написано в книге. Это – сказка для маленьких детей. Разведчики так не рождаются. На самом деле Кузнецов был с 1930-х годов негласным сотрудником службы госбезопасности, работал на разных предприятиях Урала. А то, что он учился в Индустриальном институте, писал диплом на немецком, – чушь. Только годы спустя, в 1970-х, начальство тогдашнего КГБ впервые разрешило написать, да и то единственной строкой, что Кузнецов «с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности». Из загадочной и ничего, в сущности, не раскрывающей формулировки, следует, что 25 августа 1942 года в немецкий тыл приземлился с парашютом не просто подготовленный на скорую руку инженер с Урала, а достаточно опытный чекист, уже четыре года проработавший в органах. А сравнительно недавно удалось выяснить, что на самом деле к тому времени профессиональный стаж Николая Ивановича исчислялся не четырьмя – десятью годами.

– Но это же опровергает все расхожие и такие привычные представления о Кузнецове.

– Уже с июня 1932-го Николай Кузнецов – специальный агент. Предложение работать в ОГПУ-НКВД принял потому, что был патриотом, да и отчасти благодаря юношескому романтизму.

Первый псевдоним – «Кулик», затем «Ученый», позднее «Колонист». В медведевском отряде действовал под именем красноармейца Николая Васильевича Грачева. А, к примеру, в Свердловске, куда летом 1934 переехал из Кудымкара, он значился статистиком в тресте «Свердлес», чертежником Верх-Исетского завода, наконец, расцеховщиком бюро технического контроля конструкторского отдела. На самом деле числился в негласном штате Свердловского управления ОГПУ-НКВД. За четыре года в качестве маршрутного агента исколесил вдоль и поперек весь Урал. В характеристике того периода отмечалось: «Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью».

– С кем же Кузнецов завязывал полезные для ОГПУ знакомства?

– На Уралмаше, на других заводах трудилось в те годы много иностранных инженеров и мастеров, особенно из Германии. Собственных-то специалистов не хватало. Одни приехали еще в 1929-м во время кризиса, чтоб заработать – платили им в твердой валюте. Другие искренне хотели помочь Стране Советов. А были и откровенные недруги: шеф-монтер фирмы «Борзиг» демонстративно носил перстень со свастикой. Обаятельный и общительный Кузнецов умел легко сходитьсь с людьми разными – и по возрасту, и по социальному положению. Встречался с ними на работе и дома, беседовал по-немецки, обменивался книгами, грампластинками. Сестра Лида, тоже жившая в Свердловске, переживала за брата: такое общение с иностранцами могло ой как аукнуться брату. Но Николай только подсмеивался. О его связи с органами никто из родни так и не догадался – тоже немалое достижение для разведчика. А он стремился, словно чуя, как сложится дальнейшая судьба, перенять у немцев манеру поведения. Иногда копировал их манеру одеваться, научился носить хорошо

отутюженные костюмы, к которым подбирал по цвету рубашки и галстуки, красовался в мягкой, слегка заломленной шляпе. Стремился быть в курсе новинок немецкой литературы, обращая внимание и на научно-техническую, и частенько заглядывал в читальный зал библиотеки Индустриального института. Отсюда, кстати, и миф: Кузнецов закончил этот институт и даже защитил диплом на немецком.

– Хорошо, общался молодой сотрудник Кузнецов с иностранцами, сходился с ними. А какой навар от этого чекистам?

– Как какой? Спецагент Кузнецов без дела не сидел. Представьте тот же «Уралмаш» – центр советской военной промышленности. Там масса иностранцев, в том числе и немцев. Понятно, были и их разведчики, и завербованные ими агенты. Многие уехали, но завербованные – остались. А Кузнецов вел себя, но не явно, не в лоб, с присущим ему актерским талантом, как человек, заинтересованный в знакомстве с иностранцами. Сообщал о настроениях, выявлял агентов. Тут и наводка, и вербовка, и проверка, и установка.

– Сколько специфических терминов.

– Даю прямой ответ на ваш вопрос, и как без специфики. Работал Кузнецов и по сельскому хозяйству: в район, где он трудился в Коми, ссылали кулаков. Конечно, многих в кулаки записывали понапрасну. Но были, были и кулацкие восстания, и убийства активистов, селькоров, настоящие, а не липовое вредительство. Так что таксатор Кузнецов получил право ношения оружия. Не только винтовки, как все лесники. Был у него наган. Человек уходил в лес, а там убивали почталыонов, таксаторов, тех, кто представлял власть.

– Но как же Кузнецов оказался в Москве? Кто конкретно рекомендовал парня с непростой биографией в столицу?

– Сложная история. Отыскал его в Коми новый нарком НКВД, бывший партийный работник Михаил Иванович Журавлев. Отправили его на укрепление чекистских рядов, и быстро дослужился до министра. Звонит он в Москву в Управление контрразведки и докладывает своему учителю Леониду Райхману...

– Тому самому, которого обвиняли в пособничестве Берии?..

– Я отвечаю на ваш вопрос о Кузнецове, не вдаваясь в подробности биографии Райхмана, кстати, одного из бывших мужей знаменитой балерины Ольги Васильевны Лепешинской. Журавлев докладывает: «У меня тут есть парень фантастических актерских и лингвистических способностей. Говорит на нескольких диалектах немецкого, на польском, а здесь выучил коми, да так, что стихи на этом сложнейшем языке пишет». А у Райхмана как раз кто-то из его нелегалов, приехавших из Германии. Соединил с ним по телефону Кузнецова, поговорили, и нелегал не понял: спрашивает у Райхмана, это что, звонили из Берлина? Назначили Кузнецову встречу в Москве. Так и попал в столицу.

– Вот и знакомство с Лубяжкой.

– В здании на Лубянке Кузнецов ни единого раза в своей жизни не появлялся.

– Боялись пускать?

– Таких агентов было немного. Их не светили никогда. Могли сфотографировать человека, входящего в здание и конец работе. Первая встреча около памятника первопечатнику Федорову. Потом на конспиративных квартирах, в Парке культуры, в саду имени Баумана. Дали ему жилье на улице Карла Маркса, дом 20 – это Старая Басманная. Квартира была напичкана разной техникой. Все интересующие Лубянку разговоры записывались.

Ловля на живца

– Наверное, сразу отправили новобранца на учебу?

– Какое там. Его поселили под именем Рудольфа Вильгельмовича Шмидта, немца по национальности, 1912 года рождения. На самом деле Кузнецов родился в 1911-м. Выдавал

себя за инженера-испытателя Ильюшинского завода и появлялся в форме старшего лейтенанта ВВС Красной Армии.

– Но почему именно старшего лейтенанта?

– Кузнецов сообразил, что его возраст 29–30 лет – как раз для лейтенанта. Легенда, которая притягивала чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускают самолеты.

– Удивительно, что на лейтенанта Шмидта так клюнули.

– Удачно придумано – Рудольф Шмидт, то бишь, в переводе на русский, Кузнецов. Говорит по-немецки, родился в Германии. А что если попытаться использовать, разработать? На такую заманчивую приманку сложно не клюнуть любой разведке. К тому же командир Красной Армии по виду – истинный ариец. И какая выправка. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в летном костюме. Но вот что интересно, или даже характерно. Той летной формы ему никто не выдавал. Он рассказывал Райхману, что сам ее достал, придумал легенду и по ней действовал. Ни в какой армии никогда не служил и воинского звания не имел. Но как по-немецки подтянут, по-европейски элегантен. Но мы-то теперь знаем: в собственной стране Кузнецов находился на нелегальном положении.

– Где же он работал или хотя бы к чему был приписан?

– В Москве состоял негласно в штате, получал жалованье непосредственно в германском отделении. У Николая Кузнецова даже должность была невероятная, единственная в советской спецслужбе: особо засекреченный спецагент НКВД с окладом содержания по ставке кадрового оперуполномоченного центрального аппарата. И окладом довольно большим. У него не было ни звания, ни удостоверения. Все видели, что он активно общается иностранцами. Было столько доносов.

– Вы сейчас показали – будто двухтомник.

– Томами не мерил – куча доносов. Читал я их. Ну, скажу я вам, и писали. Самый активный – сосед по его еще коммунальной квартире: иностранцев водит и вообще.

– Хотя, догадываюсь, доносы попадали в одно и то же место.

– Должны были бы, по идее. Но из-за некоторой неразберихи взяла Кузнецова в разработку и наша контрразведка, установила за ним слежку. Даже клички ему давали – одна «Атлет» за мускулистую фигуру, другая – «Франт» за элегантность в одежде. Могли его рано или поздно взять.

– Разве люди из разведки не предупреждали о Кузнецове своих более простых в привычных действиях коллег?

– Никогда. Это было бы для него еще опаснее. Разведчик не имел права назвать свои связи даже соседу по кабинету. Кузнецов был кошкой, которая гуляла сама по себе. Иначе – опасно. Могли, вполне могли и прихватить. Так известного в определенных сферах Ковальского, который завербовал в Париже генерала Скоблина свои же и расстреляли. Хотя и говорил им, кто он. Было это на Украине, а его искал Центр, утративший с ним связь. Кузнецов же из-под наблюдений уходил. Делал свое дело. Вербовал немцев. Добывал секретные документы. Его задача в контрразведке была в том, чтобы на него клюнули иностранцы, в первую очередь агенты немецкой разведки. И генерал Райхман подтверждал: «Мы его ничему не учили». А Кузнецов купил фотоаппарат, и быстренько переснимал передаваемые ему агентами документы – сам научился. И вождение машины тоже освоил сам. Тут было не до учебы в какой-нибудь разведшколе: к тому времени Кузнецова дважды исключали из комсомола. Сначала за то, что отец якобы, кулак, да еще из бывших. Вранье. Была у Кузнецова и судимость. А потом, скажу я вам, еще через несколько лет, когда уже трудился в органах, новый арест. Не до высшего образования – не дали Николаю даже техникум закончить.

– Про арест в органах давайте чуть позже. Но как он в свои молодые годы умудрился заработать судимость?

– Когда как «сына кулака» выгнали из комсомола, то и из техникума отчислили за семестр до окончания. До конца учебы оставалось всего – ничего, а ему всего лишь справка, что прослушал курсы. И 19-летний Кузнецов от греха подальше рванул по совету своего товарища в Коми-Пермяцкий округ. Куда уж дальше. Служил там лесничим, а кто-то из его прямого начальства проворовался. Кузнецов об этом сам и сообщил в милицию. А ему – за компанию – дали год условно и снова исключили из комсомола.

– Для будущего работника органов биография в те годы, да и по нынешним меркам, складывалась напряженно. Прав я или нет, на той первой судимости его органы и прихватили, завербовали?

– Так обычно и бывает. А с Николаем, к моему удивлению, история несколько иная. Однажды в Коми Кузнецов лихо отбилсЯ от напавших на него бандитов. И попал в поле зрения оперуполномоченного Овчинникова. Коми-пермяк по национальности, тот вдруг обнаружил, что недавно приехавший сюда молодой русский не только храбр и силен, но и говорит, причем свободно, на его родном. Да, это он завербовал Кузнецова, быстро поняв, что чисто случайно попал на самородка. А потом в Коми Михаил Иванович Журавлев нашел силы, оторвал такой талант от себя, отдал москвичам. А мог бы Николай до конца дней трудиться в своем далеке.

– Почему все же Кузнецов так и оставался именно самородком, которого и подучить чекистским премудростям не сумели?

– Райхман опасался, что вдруг при поступлении в чекистскую школу кадровики пошлют Кузнецова не на экзамены, а на посадку. А работать надо было сегодня. Ведь в пакт разведчики не верили. Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал с напутствием: «Наверху этого не любят, но работайте так, как вы все здесь мне это изложили». Москву наводнила немецкая агентура. Запустили очень хитрую комбинацию, и на Кузнецова вышли определенные круги. И поехало. Удалось перехватить двух дипкурьеров. Кузнецов сумел вскоре скомпрометировать и завербовать некоего Крно – дипломата, фактически замещавшего посланника Словакии. Тот провозил по дипломатическим каналам целые партии контрабандных часов, а часть выручки от их продажи шла вроде бы на плату агентуре. Кстати, с часами произошла забавная история. Их, разведкой конфискованные, разрешили покупать по себестоимости сотрудникам наших органов Госбезопасности.

А Кузнецов крепко жал на Крно, и информация от того, пропадавшего в немецком посольстве днями и ночами, пошла ценнейшая. Затем благодаря Кузнецову отыскали подходы к военно-морскому и военному атташе Германии. Да, он умел обаять людей. Ухитрился расположить к себе и камердинера немецкого посла, и его жену. Перед войной благодаря Кузнецову проникли в резиденцию посла в Теплом переулке. Вскрывались сейфы, снимались копии с документов, и немецкая агентурная сеть попала в руки сотрудников Лубянки. И в благодарность за все это камердинер немецкого посла, считавший Кузнецова настоящим арийцем, фашистом, подарил ему под последнее предвоенное Рождество значок наци, книгу «Майн Кампф» и пообещал после окончания войны оформить членство в нацистской партии.

- Методы для вербовки чекисты, в том числе и Кузнецов, использовали самые разные.
- Надвигалась война. И методы были всякие.

Разведен, детей нет

– Немало судачат о том, что Кузнецов часто использовал в своей работе прекрасных дам. Простите за грубость, будто бы подкладывал балерин и прочих художниц в постель к иностранцам. Называли даже имя одной народной артистки.

– Было, но, конечно, не в тех гипертрофированных размерах, о которых болтают. Кузнецов – человек красивый, успехом у женщин пользовался. В том числе и у тех, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у девушек – не очень, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никому никого не подкладывал. Прекрасные дамы и без него свое дело знали. Да, среди балерин были и его источники, много чего Кузнецову рассказывавшие. Случился и серьезный роман с дамой-художницей. Было ей тогда под 30, и обитала она рядом с Петровским пассажем. Салон, богема – между прочим, в той квартире Кузнецов познакомился с актером Михаилом Жаровым. А Николай, по-моему, серьезно влюбился в эту светскую львицу с дворянской фамилией, назовем ее Ксаной О. Известен он ей был как Руди Шмидт. Начало 1940-х, и пакт – не пакт, отношение к немцам уже настороженное, могли за близкие связи по головке и не погладить. И Ксана свою любовь, говоря по-современному, взяла и кинула. Кузнецов же, при всем обилии связей, страдал. В партизанском отряде, об этом раньше совсем не писалось, просил Медведева: если погибну, обязательно расскажите обо мне правду Ксане. И Медведев, уже Герой Советского Союза, отыскал в центре Москвы эту самую Ксану О., выполнил волю другого Героя.

– И последовала сцена раскаяния?

– Ничего похожего. Полное равнодушие и безразличие.

– Может, ревновала? Приходилось Кузнецову спать с женщинами разных стран и профессий.

– В оперативных, как говорят в разведке, целях. К примеру с дамой из немецкого посольства – очень красивой и молодой. И, между прочим, технической сотрудницей, имевший доступ к самым разным документам. Пришлось благословлять Николая и на этот роман. В результате – ценнейшая информация прямо из посольства. И навывдала она ему столько...

– Правда ли, что был Кузнецов когда-то в молодости женат?

– Чистая правда. 4 декабря 1930 года счастливая свадьба, и, бац, уже 4 марта 1931 – развод, не сложилась личная жизнь, и никогда уже не понять почему. Так это и осталось между двумя людьми, судя по всему, в начале совместной жизни любившими друг друга. Бывшая его жена Елена Чуева оказалась женщиной исключительно благородной, достойной. Выпускница медицинского, воевала, спасала раненых и закончила войну в звании майора. Демобилизовалась после победы над Японией. И, знаете, никогда и никому не хвасталась, мол, я – жена Героя, и ничего не просила.

– Пошли какие-то разговоры о детях. Конкретнее – о дочери.

– Детей не было. Слухи о дочери действительно поползли, и их проверили. У Героя отыскалась прямая наследница? Нет, неправда. Остался лишь племянник.

Шпионы к нам летали пачками

– Сложнейшее предвоенное время, совпало по срокам с началом работы Кузнецова в Москве как разведчика.

– Да, и приходилось ему общаться с людьми разными. Сделался завсегдатаем в знаменитом тогда ювелирном комиссионном магазине в Столешниковом переулке. Заводил там знакомства и с народом благородным, и с нечистым. В артистическом мире знал многих. Был момент, когда, чтобы легализовать Кузнецова, его даже хотели сделать администратором Большого театра. Наибольшую активность немцы проявляли в 1940-м году, в страшном 1941-м. Как раз в ту пору немецкая разведка развернула в СССР бешеную, пожалуй, мало где виданную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова – Риббентропа все, что только можно. Какие делегации к нам зачастили. Ну, где такое бывало – человек по 200. И посто-

янная смена сотрудников – кто работал месяц – три, а кто нагрязнул на день – два, выполнил задание – и был таков.

– Но пишется об этом мало да и как-то глухо.

– Не самые удачные времена. Огромный десант немцев на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Пойди, уследи. Труднейшие для наших спецслужб годы. Бывало и такое, что среди махровых шпионов вдруг появлялись в Москве и наши агенты, например, Харнак, которому предстояло войти в историю, как одному из руководителей «Красной капеллы». Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кенигсберга с посадками в наших городах их «Люфтганза». А вместо девочек с передничками – только бравые ребята – стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два – три рейса, и другая команда. Это изучали маршруты немецкие штурманы из «Люфтваффе».

– А что наши?

– Наши тоже туда летали. Но маленькими группами. Пока НКВД решит, кому можно лететь, кого выпустят...

– Я бы хотел вас спросить о запутанной истории с советским летчиком Алексеевым, загадочно погибшим при испытаниях новой модели самолета.

– Неразгаданная страница. Была такая немецкая эскадрилья под командованием мирового аса Ровеля, еще при его жизни названная именем командира. И на невероятных, недоступных для летчиков других стран высотах, совершала она облеты всех стран, на которых впоследствии напал Гитлер. Так существуют сделанные пилотами Равеля фотоснимки Ленинграда. Но вот появляется наш летчик Алексеев, и на экспериментальных моторах поднимается на высоты, близкие к немецким. И вдруг – погибает. Тут к инженеру-испытателю старшему лейтенанту Рудольфу Шмидту подкатываются, нет, не немцы, а японцы, которые живо интересуются судьбой Алексеева. Ведь Шмидт по легенде работает в Филях, на заводе, построенном немцами. Их теперь здесь нет, но, кто знает, возможно, и оставили после себя агентов или людей, им чем-то обязанных? По всем признакам через любопытных японцев действуют осторожные немцы. Кузнецов сообщает начальству о возникшем интересе, выдает японцам полуправдивую и их устроившую версию. Может, зависил потолок, которого достигал Алексеев? А одного японца-интересанта здорово наказал. Однако, что произошло на самом деле с нашим Алексеевым, как он погиб, мне неизвестно.

А мог бы быть и Никанором

– Теодор Кириллович, а что это за путаница с именами Кузнецова? Опять-таки существует миф, будто придя в разведку, он получил новое имя.

– А вот это не совсем миф, только НКВД здесь не при чем. Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка Камышловского уезда Пермской губернии. При рождении наречен Никанором, по домашнему – Ника. Имя Никанор парню не нравилось, и в 1931 году он сменил его на Николая. Но какая-то путаница, разночтения действительно оставались. Друг юности Кузнецова Федор Белоусов рассказывал мне, что когда родные и однокашники Николая Ивановича узнали о присвоении звания Героя Советского Союза некому Николаю Кузнецову, то думали, речь идет об однофамильце. Даже сестра Лидия и брат Виктор долгое время оставались в неведении. Полагали, будто он пропал без вести. И в Москве истинная биография Кузнецова были настолько засекречены, что Грамота Президиума Верховного Совета о присвоении ему звания Героя так и осталась неврученной. В конце войны она вообще затерялась, и только в 1965 изготовили ее дубликат.

– Некоторые биографы Кузнецова считали, что Николай Иванович, якобы, этнический немец, выходец из немецкой колонии, которых до Великой Отечественной было множество. Этим и объясняли великолепное знание языка.

– Давайте сначала о происхождении. Отец Иван Павлович, как и мать Анна Павловна, люди исконно русские. Служил отец до революции в гренадерском полку в Санкт-Петербурге. За меткую стрельбу был пожалован призом от молодого царя Николая II. Однако никаким дворянином, белым офицером не был: сражался в Красной Армии у Тухачевского. И не кулак, как утверждают иные бытописатели.

Лингвист от матери-природы

– Откуда у Кузнецова такие способности к языкам?

– А от все той же природы. Мальчик из уральской деревни Зырянка с 84 дворами и 396 жителями, овладел в совершенстве немецким. Лингвистом Николай Иванович Кузнецов был гениальным. Да и повезло ему несказанно с учителями иностранного. Так сложилась судьба – в его глухомань, откуда до ближайшего уездного городка 93 версты, занесло образованных людей, которым бы преподавать в гимназиях, а набирался у них знаний деревенский паренек Ника Кузнецов. В Талицкой школе-семилетке немецкий и французский вела Нина Николаевна Автократова. Образование школьный преподаватель далекого уральского селения получила в свое время в Швейцарии. Увлечение Кузнецова языками считали блажью. И потому загадочной казалась одноклассникам его дружба с преподавателем труда Францем Францевичем Явуреком – бывшим военнопленным, осевшим в тамошних краях. Нахватался разговорной речи, живых фраз и выражений из солдатского лексикона, которых в словаре интеллигентнейшей учительницы и быть не могло. Много болтал с провизором местной аптеки австрийцем Краузе. Когда работал в Кудымкаре, на удивление быстро овладел коми, трудным, как и все языки угро-финской группы. Даже стихи на нем писал, о чем, как вы знаете, проведали вездесущие чекисты. Проучившись всего год в Тюмени, выступил в клуб эсперантистов и перевел на эсперанто свое любимое «Бородино» Лермонтова. Учась в техникуме, наткнулся на немецкую «Энциклопедию лесной науки», которую до него никто и никогда не открывал, и перевел на русский. А уже в Свердловске, где работал как секретный агент, сошелся с актрисой городского театра – полькой по национальности. Результат романа – владение польским языком, который ему тоже пригодился. В партизанском отряде «Победители», действовавшем на Украине, заговорил по-украински. Испанцы, служившие в лесах под Ровно в отряде Медведева, вдруг забеспокоились, доложили командиру: боец Грачев понимает, когда мы говорим на родном, он не тот человек, за которого себя выдает. А это у Кузнецова, с его лингвистическим талантом, открылось и понимание незнакомого до того языка. В немецком множество диалектов. Помимо классического Кузнецов владел еще пятью – шестью. Это не раз выручало обер-лейтенанта Зиберта при общении с немецкими офицерами. Понятно, что для нелегала Кузнецова, действовавшего под легендированной биографией, встреча с уроженцем того немецкого города, где якобы и родился разведчик, была бы почти что крахом. Кузнецов-Зиберт, быстренько уловив, из какой части Германии родом его собеседник, начинал говорить с легким налетом диалекта земли, расположенной в другом конце страны.

– А возможно, у земляков разговор пошел бы откровенней?

– Самое страшное для разведчика – нелегала как раз нарваться на земляка: а кто у тебя в нашей любимой школе преподавал химию? И вот он провал, совсем близко. В Германии-то Кузнецов никогда не бывал.

– Мы с вами абсолютно откровенно беседуем о Николае Кузнецове. Я бы хотел, чтобы вы вот так же откровенно рассказали об отряде Дмитрия Медведева. Сегодня теория «в партизаны шли только чекисты» набирает популярность. Ну, не совсем же так?

– Партизанские отряды создавались самые разные. Большинство – стихийно, и кто только в них ни сражался. Однако отряд Медведева – это да, чекистский отряд, организован-

ный по системе 4-го управления НКВД. В немецкий тыл засылалось от 20 до 100 человек. Обязательно крепкое чекистское ядро: разведчики, контрразведчики, пограничники плюс строевые командиры, потому что надо было участвовать и в боевых действиях. Потом такие отряды разрастались за счет местных жителей, бежавших военнопленных. Когда в августе 1942 года отряд Медведева забросили в леса под Ровно, у него было 70 человек, потом – около тысячи. Ровно вы брали потому, что немцы превратили городок в столицу оккупированной Украины. Одних штабов всякого рода набралось около 70. Гадюшник для разведки и ее возделенная цель. Боевые действия в функции отряда совсем не входили. Медведев избегал их как мог. Но приходилось. Люди-то присоединились к нему, чтобы сражаться, а подлинные задачи командиру надо было скрывать. Но самообороной, конечно, занимались, и тогда уж трепали немцев жестоко. А так меняли дислокацию, забрасывали в Ровно, в другие городки своих, вербова ли, уничтожали фашистских главарей.

Явление обер-лейтенанта Зиберта

– Тут и преуспел наш Кузнецов – обер-лейтенант Пауль Зиберт. А как вообще возник этот Зиберт? Из чего объявился?

– Почти год Кузнецов томился у нас в тылу. Возмущался, писал рапорты, просился на фронт. Под видом военнопленного немца просидел вместе с германскими офицерами в советском лагере. Прошел обкатку, нигде не засветился, принимали его фашисты за своего. Но забрасывать в тыл его не торопились. Наконец, включили разведчика в группу Медведева. В начале 42-го под Москвой нашли документы убитых немецких офицеров. Приметы Пауля Зиберта – рост, цвет глаз, волос – ну все сошлось с кузнецовскими. Правда, Зиберт был 13-го года, а Кузнецов на два года моложе. По причине двух ранений он по легенде был «временно не годен к фронтовой службе». Отправляли его на короткий срок. Никто не смел и предположить, что он продержится полтора года. Это уникальный случай, рекорд – выдержать столько с липовыми документами. Ведь глубокая проверка его моментально бы выявила. Он не мог дать и не давал поводов ни для малейшего подозрения. Отправили бы документы в Берлин – и конец эпопеи.

– Как все-таки думаете, почему обер-лейтенанту, а потом и капитану Зиберту, лично уничтожившему немало фашистских бонз, удалось продержаться так долго?

– Он был великим разведчиком. Да, сегодня это кажется невероятным: русский человек, гражданский, ни в какой армии ни дня не служивший и даже воинского звания не имевший, в Германии никогда не бывавший действовал под чужим именем 16 месяцев. А небольшим город Ровно насквозь просматривался гитлеровскими спецслужбами – контрразведкой, тайной полевой полицией, фельджандармерией, местной военной жандармерией, наконец, СД. Кузнецов же не только приводил в исполнение смертные приговоры фашистским палачам, но и постоянно общался с офицерами вермахта, спецслужб, высшими чиновниками оккупационных властей. Сколько ценнейших сведений он передал. Чего стоили одни только данные о готовящемся в Тегеране покушении на Сталина, Рузвельта, Черчилля!

– Встречался с полковником внешней разведки Павлом Георгиевичем Громушкиным, который и выправлял документы для Николая Ивановича. В свои за 90 он отлично помнил Кузнецова – Зиберта, только считал, что раскрывать ту военную страничку пока рановато.

– Его право. Документы были подправлены идеально. Бывший заместитель Дмитрия Медведева по разведке Лукин говорил мне, что по его подсчетам документы Зиберта по самым разным поводам проверялись больше 70 раз. И о каждом случае Кузнецов докладывал. Никогда ни сам их владелец, ни его зольдбух и всякие справки не вызывали ни малейшего сомнения. Но только не думайте, будто Кузнецов был в Ровно таким волком-одиночкой. Под его началом действовали разведчики с ним заброшенные и бежавшие из плена

бойцы Красной Армии, местные жители. Его надежно прикрывали опытейшие чекисты из отряда Медведева.

– Вы извините меня за эти мои отступления, но сегодня и с сочувствием пишущие о Кузнецове подчеркивают, что в конце он уж очень уверовал в свою счастливую звезду, потому и погиб.

– В разведке, особенно нелегальной, не верить в свою звезду – значит, провалиться с самого начала. Да, Кузнецов верил. Но был исключительно осторожен. Он же легендарный разведчик, не натурал. Представляете, что такое для него нарваться на земляка, на однополчанина? Один-два вопроса – и арест. А Кузнецов, по роду деятельности своей, должен был знакомиться с людьми разными. Он был и блистательно находчивым человеком. Как-то немецкий офицер из спецслужбы предложил окунуться в речке. Кузнецов быстренько выдумал предлог для отказа.

– Почему?

– У него по легенде два ранения, а на теле – ни единого шрама. Нет, Кузнецов знал, насколько он нужен, расслабляться ему было не дано.

– Но в марте 1944-го Кузнецов был убит бандеровцами. И сколько же самых невероятных версий высказывается по поводу гибели Кузнецова.

– История гибели, которую, как думаю, мне удалось установить, действительно запутана. Давайте придерживаться единственно, на мой взгляд, правдивой версии. Она действительно трагична. Но бывает ли не трагичной война? Отряду Медведева под Ровно делать было уже нечего: немцы оттуда отступали. Кузнецову дали задание выехать во Львов, уничтожить губернатора Галиции. Не получилось, тот заболел, и Кузнецов из автоматического пистолета убивает вице-губернатора Отто Бауэра и высокопоставленного чиновника Генриха Шнайдера... А потом при невыясненных обстоятельствах проникает во львовский штаб военно-воздушных сил, тремя выстрелами в упор уничтожает подполковника Петерса и ефрейтора. Что он делал в том штабе? Выяснить мы не можем, рассказать об этом Кузнецов не успел никому. Видимо, немецкий подполковник умер не сразу, ибо успел сказать, что стрелял в него офицер Зиберт.

То последнее покушение в штабе немецких ВВС не было никем санкционировано. Лукин мне клялся и божился, что этого задания Кузнецову не давали. Может, решил разведчик напоследок хлопнуть дверью? Его обер-лейтенант Зиберт уже вызывал определенные подозрения. Офицера в таком звании искали, проверяли всех поголовно. И тогда доктор Цесарский из отряда Медведева повысил его в звании, вписал в офицерскую книжку «гауптман». Однажды Кузнецов, который чудом избежал ареста после проверки документов, сам, по собственной инициативе «помогал» немцам: требовал документы, задавал вопросы, проявил себя решительным офицером. Кроме того, были подозрения, что его выдала одна арестованная подпольщица.

– Кто же это?

– Нехорошо говорить. Женщины давным-давно нет. А предполагалось, что Кузнецов осядет во Львове. Ничего не получилось. Отсидеться было негде. Резервные адреса, которые ему дали, не работали. Человек или погиб, или арестован, а то и сбежал. Кузнецов совершает другие акты возмездия. Надо уходить, и Кузнецов вырывался из Львова, из сжимавшегося кольца, но надежные документы – только у шофера Ивана Белова, а у его верного друга Яна Каминского, у самого Николая Ивановича – ничего, и взять их абсолютно негде. А его уже ждут на всех выходах, повсюду повальные обыски, засады. В местечке Куровицы – заслон. Впечатление, что ловили именно его: обычным КПП командовал не лейтенант, и не капитан, а майор. Это – ЧП, у немцев такого не бывало. Оставалось – только прорываться. Они рванули через шлагбаум, убили немецкого майора Кантора, уничтожили патруль. Вдогонку им вlepили, перебили шины... Проехали метров 200 на спущенных, и – в лес. Машину

с простреленными колесами пришлось бросить. Это – март месяц, а фронт под Львовом неожиданно остановился. Что там творилось – наши войска где-то вырвались вперед, где-то остановились, шляются бандеровцы, отряды еврейской самообороны, стихийные отряды из наших окруженцев и партизан. Лес, скитания, их обложили, ну нет выхода.

– Можно же было где-то остановиться, переждать, затаиться.

– Не мог он, уже не мог. Рвался к своим. Они наткнулись на отряд еврейской самообороны. Но оставаться – тоже рискованно: в отряде – тиф. Им выделили проводника – бойца отряда местного парня Самуэля Эрлиха, и повел он вроде бы в нужном направлении, выводя к линии фронта.

– Кузнецов так и шел в немецкой военной форме?

– Да, только отпорол погоны. Страшно боялся погибнуть при переходе линии фронта от пули своих. И приготовил пакет, в котором – подробнейший отчет и подпись «Пух». Под этим именем в отряде Медведева его не знали. Как Пух был он известен только высшему командованию, точнее – генералу Федотову.

– Тому самому, что соратник еще организатора всей советской разведки Артузова?

– Именно. И Федотов, в конце концов, этот отчет передал в 4-е Управление, и возглавлявшее всю эту партизанскую борьбу на временно захваченных немцами территориях. Но была при переходе сложность мною уже упомянутая: Кузнецов полагал: при переходе его могут убить свои.

– Неужели нельзя предусмотреть каких-то паролей, знаков?

– Но как? Самое наисложнейшее в разведке в военных условиях – это возвращение. Были случаи – гибли на этом последнем этапе. Известный разведчик, писатель Овидий Горчаков рассказывал мне, как его три раза зверски избивали, когда возвращался к своим. Знак, говорите? Он кричал, молил: я – военный разведчик, ребята, что вы делаете? Один раз уже думал – конец, не отдышаться. Так и с Кузнецовым. И вот что мне удалось установить. Вышли они втроем на хутор Борятино и там издали увидели людей в военной форме. Кузнецов послал Белова к крайней хате. Тот постучался, спросил: войска есть? И ему сказал, что есть, только не ваши, а с зирками, то есть со звездочками.

– Наша Красная Армия?

– Это были бандеровцы. А их Кузнецов и его ребята приняли за своих: бандеровцы были в советской военной форме. Стычка, бой, Николай Кузнецов и двое его ребят были убиты.

– А как же история о том, что, не желая сдаваться в плен, Кузнецов, окруженный бандеровцами, взорвал себя противотанковой гранатой?

– Она меня больше всего угнетает. Ну, представьте себе – как это возможно? Граната должна со страшной силой удариться о броню. Нет, все это вранье.

– А что правда?

– Правда то, что командир отряда Медведев нашел отчет Кузнецова за подписью «Пух» в освобожденном Львове в архивах гестапо. Вернее, копию этого отчета, оригинал начальник тамошнего гестапо переслал в Берлин Мюллеру.

– Тому самому?

– Да, папаше Мюллеру. Ведь пакет с донесением, подписанный «Пух», попал к бандеровцам. И только тогда те поняли, кого они убили. И началась торговля. Сообщили немцам, что разведчик взят полуживым, и в качестве доказательства дали отчет. Поставили условие: в обмен на Пуха – Зиберта освободить арестованных детей и жену одного из своих главарей Лебеда. Бандера был под арестом, и Лебедь его фактически замещал. В конце концов, немцы согласились их хорошо кормить, и обещание выполнили, улучшили им условия содержания в лагере. Прошла неделя. Кузнецов мертв, а бандеровцы выдают немцам: он убит, причем обратите внимание, гранатой, при попытке к бегству. Как можно убить человека при попытке

к бегству? Только пулей. Заварилась вся эта липа. Да они бы Кузнецова держали как драгоценность – он бы был их единственной разменной валютой.

Немцы послали на место боя специальную группу СС и убедились, что Зиберт – Пух и еще двое погибли в бою. Каминского и Белова похоронили в соседней деревне. Поп Ворона, совершавший обряд, рассказывал, что немцы привезли двух людей. Оба – в немецкой форме, но без погон. Видимо, это и были люди Кузнецова.

– Теодор Кириллович, зачем кому-то на Украине потребовалось теперь чернить славное имя Кузнецова, заявляя, будто он дрался не с фашистами, а с украинским народом? Сам видел статейку в одной из газет, где всерьез утверждается, будто Николай Кузнецов, как и весь отряд «Победитель», был заброшен в 1942-м в район Ровно не для борьбы с фашистами, а ... для уничтожения «лучших представителей украинского народа».

– Ложь эта вызывает и у меня чувство брезгливости. Вымысел, и грязный. Быть может, уничтоженные Кузнецовым главный немецкий судья Украины Функ, начальник так называемых «Восточных войск» Ильген или вице-губернатор Галиции Бауэр и другие высокопоставленные палачи также принадлежали к «лучшим представителям украинского народа»? Улицам, носившим имя Кузнецова, присвоены совсем иные названия. Памятники Герою в Ровно и Львове демонтированы. Ликвидирована квартира-музей Кузнецова в Ровно. Идет беззастенчивое обеление Бандеры и его пособников. Из них пытаются сделать героев. Но не получается. Точно известно, сколько фашистов уничтожили отряды Ковпака, Вершигоры, Сабурова, Медведева... Но кто и когда видел какой-нибудь документ, из которого было бы ясно, сколько немецких оккупантов уничтожила бандеровская часть? А за Николая Кузнецова говорят его дела. Памятник герою можно, если руки чешутся, снести. Но добрая память о разведчике – это навсегда.

ИЗ ДОСЬЕ

Бандера Степан (1908–1959). организатор и идейный вдохновитель банд украинских националистов-террористов – ОУН – во время Второй мировой войны. движение, названное по имени своего вождя бандеровским, было особенно активно в годы войны. Взаимодействуя с фашистами, безжалостно расправлялось с партизанами и всеми сочувствующими советской власти. После войны бандеровцы оказывали сопротивление, особенно на западной Украине, и органам безопасности, и даже регулярным частям советской армии. На их совести тысячи и тысячи убитых. с движением было покончено лишь в середине 1950-х. Руководитель движения, украинский националист Степан Бандера был убит в октябре 1959 года агентом советских органов госбезопасности Богданом Сташинским.

Не щадил врагов. И себя.

– А почему в начале беседы вы назвали Кузнецова личностью «трагической»?

– Тяжело у него складывалась жизнь. Ему везде завидовали. Яркая личность всегда вызывает сложные чувства. Человек ни в каких школах – ни разведывательных, ни диверсионных не учившийся, превратился в одного из величайших мастеров редчайшей своей профессии. Одарен с рождения способностями разведчика. Впитывал все, как губка. А его – дважды гонят из комсомола, исключают с последнего курса техникума. Или эта уже упоминавшаяся история, когда попались на махинациях его начальники, а ему пусть не срок, но условно. Ведь Кузнецов их разоблачил, выдал милиции.

– Ничего себе.

– А вы думали. Им – по четыре-восемь лет, а Кузнецову «всего-навсего» год исправительных по месту работы минус 15 процентов зарплаты. Считается, будто отнесся к этому спокойно – ерунда, формальности. Да нет. Травма на всю жизнь. И судимость на нем оста-

валась. Еще один арест – уже во время работы негласным агентом. Действительно допустил по неопытности ошибки.

– Об этом я не слышал.

– Но, увы, случилось, могли подвести под жутчайшую в ту пору 58-ю статью – расстрельную. Провел несколько месяцев в подвалах внутренней тюрьмы Свердловского управления НКВД. К счастью, отыскались смельчаки, добившиеся его освобождения.

– Значит, и Кузнецова сталинские репрессии коснулись. Вот о чем раньше никогда не упоминалось.

– Коснулись. И в душе все это оставалось. И попав в Москву в начале 1940-х, Кузнецов вспоминал не только своих родственников, но и обидчиков. Даже писал злейшему врагу письма: я в столице на особой работе, объездил всю Германию, воевал с финнами. Сплошной вымысел, чистая мистификация. Никогда ни в какую за границу не выезжал.

– Согласитесь, есть тут признаки авантюризма.

– У многих великих они присутствовали. И, говоря о душевных переживаниях Кузнецова, отмечу: одно то, что его приняли в отряд Медведева, где собрали людей исключительно проверенных, уже свидетельство большого доверия. Подпись под приказом поставил заместитель наркома Меркулов. Но оставалось у Кузнецова после всего пережитого чувство, может, и обиды, желание доказать, что он лучший, что нужен стране. Иногда говорил во сне, причем на русском. И врач партизанского отряда Цесарский, с которым они делили кров, его тормошил, будил. И отучил-таки.

– Читал об этом в ваших книгах.

– Но вот что именно говорил Кузнецов, я узнал у доктора Цесарского сравнительно недавно. Разведчик все время повторял: «Я еще им докажу, кто настоящий патриот». Слово в слово. Сидела в нем эта боль, не давала покоя. И прорывалась вот так. Когда он уходил на задания, вернуться с которых было чудом, оставлял прощальные письма. И командир отряда Медведев однажды сказал: «Николай Иванович, вы знаете (Медведев почти со всеми был на «вы»), с таким похоронным настроением идти на задание нельзя». Одно письмо Медведев даже разорвал. Но во всем этом и был Кузнецов с его трагизмом. Полная готовность к самопожертвованию, мысли о смерти в нем присутствовали. Та, прошлая – его собственная судьба – на нем висела. И вот эта готовность отдать жизнь могла в тяжелейший момент сыграть свою трагическую роль. От себя не щадил.

– Как вы считаете, все ли страницы в биографии Кузнецова раскрыты?

– Основные – пожалуй. Но что все... Нет, я бы пока утверждать такое не рискнул. Если говорить о немецкой стороне, то зная чисто немецкую педантичность, не исключил, что ряд документов, касающихся Кузнецова, хранится в запыленных архивах наших тогдашних союзников американцев. Они захватили их в 1945-м уже на территории Германии. Ведь все, что мы рассказываем о разведчике, это, как говорится, материал с нашей стороны. А донесения немецких разведчиков о нем из довоенной Москвы? А запись разговоров с ним? Или, может, даже попытки вербовок Руди Шмидта? Ведь есть же у спецслужб США полный и до сих пор не опубликованный отчет о деле «Красной капеллы».

Вести пришли, откуда не ждали

По крайней мере для меня они были неожиданны. Нашел меня по электронной почте исследователь Лев Моносов. Читал он мои материалы, нашел неточность в том, что касалось короткого пребывания Кузнецова в отряде еврейской самообороны. И имя бойца в этой моей книги уже исправлено на правильное. И факт приведу вам, читатели, новый, Кузнецова точно характеризующий. Когда укладывался Кузнецов на нары после мучительного перехода, то забрался на вторую полку. Ему предлагали: «Да вы же замучились совсем, чего вам

туда лазить». Но Николай Иванович настоял: «Нет, вы внизу, вы – хозяйева. А мы уж наверху. И без этого вас побеспокоили».

Открылись и новые странички деятельности Кузнецова Зиберта в немецком тылу. И на каждый такой факт – ссылка на конкретный источник, известную фамилию, письменное свидетельство или на проверенную исследователями Израиля и России публикацию.

Итак, в период с 1941 по 1943 годы в Ровно фашисты организовали гетто. На Западной Украине выжить удалось нескольким сотням человек, которые, в основном, были спасены партизанами. А в гетто Ровно доставлялись для уничтожения евреи как из захваченных гитлеровцами стран, так и из оккупированных западных областей СССР. К концу 1943-го в Ровно были уничтожены практически все согнанные в гетто – по некоторым оценкам от 80 000 до 100 000 человек, а само гетто было ликвидировано: наступавшие советские войска освободили город 2 февраля 1944 года.

И в пересланных мне Моносовым документах – конкретные факты о том, как Кузнецов спасал на смерть обреченных. Так была включена в его разведгруппу, действовавшую в Ровно, жительница и уроженка города Лисовская Лидия Ивановна. Биография яркой русской красавицы 1910 года рождения полна неожиданных поворотов. Личность одаренная, после окончания гимназии училась в Варшавской консерватории по классу фортепьяно. Свободно говорила на французском и немецком. Лидию даже приглашали сниматься в Голливуд. А она вышла замуж за польского офицера, который впоследствии пропал без вести при защите Варшавы. Вот и вернулась в 1940-м вместе с матерью Анной Войцеховной Демичанской в Ровно, и установила контакт с советской разведкой.

Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микота, которая, по заданию партизан, стала агентом гестапо под псевдонимом «17». Лидия Ивановна принимала активное участие в операции разведгруппы Кузнецова по похищению из Ровно генерал-майора фон Ильгена – командующего восточными армиями особого назначения. Генерал Ильген являлся ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями националистического толка, состоявшими из бывших граждан СССР, которые перешли на сторону оккупантов и принимали непосредственное участие в массовых казнях населения.

Убежденная антифашистка, Лисовская не только выполняла разведывательные задания Кузнецова, она и оказывала помощь скрывающимся военнопленным и евреям. Как пишет Лев Моносов, согласно документально подтвержденным показаниям, в октябре 1943 г., когда через город Ровно немцы гнали на казнь евреев, Лидия Ивановна Лисовская вместе с Николаем Ивановичем Кузнецовым спасли и прятали еврейского ребенка. Пауль Зиберт знал от своих знакомых из гестапо о намечавшемся немцами расстреле и заранее решил на такой рискованный шаг. Конечно, роль Кузнецова в спасении девочки была решающей. Одной Лисовской среди бела дня, дело происходило в 12 часов, сделать это было невозможно. Ее немедленно расстреляли бы на месте за помощь евреям. Только Кузнецов в форме немецкого офицера мог беспрепятственно подойти днем к расстрелянным зондеркомандой родителям девочки, взять окровавленного ребенка и вместе со своей дамой – Лисовской – перенести малышку в костел, а вечером отнести на квартиру Лисовской, у которой он якобы снимал комнату. Даже если к Кузнецову и подошел бы патруль с проверкой документов, то наличие формы немецкого офицера, документов и похищенного партизанами гестаповского жетона, дающего неограниченные полномочия его обладателю, снимало бы все вопросы. Украинские полицаи, вспомогательные части и литовские националисты, участвовавшие в расстреле и конвоировании колонны, вообще не имели права проверять документы у немецкого офицера.

Имя девочки – Анита дал Николай Кузнецов. Во время ареста Лисовской гестапо и после ее смерти девочку воспитывала мама Лидии Ивановны. Имя спасенного человека, как пишет мне Моносов, установлено – Анна Адамовна Зинкевич.

В ноябре 1942 года Лисовская была арестована гестапо. В январе 1944-го последовал второй арест. Последовали жестокие пытки, имитация расстрела. Перед казнью написала в камере на стене кровью прощальное письмо. По счастливой случайности (в день казни находилась в камере без сознания), Лисовской удалось спастись. Но в октябре 1944 года Лидия Ивановна Лисовская и ее сестра Мария Макаровна Микота были зверски убиты украинскими националистами. Лисовская посмертно награждена Орденом Отечественной войны I степени.

Приблизительно в октябре-ноябре 1943 года Кузнецов спас от уничтожения в гетто четырехлетнего еврейского мальчика, родителей которого убили фашисты. Разведчик доставил ребенка в партизанский отряд. И по просьбе Кузнецова, мальчика отправили самолетом в Москву. По некоторым данным, по крайней мере, так утверждает Моносов, Кузнецов просил усыновить мальчишку. И это еще не все. При проведении разведывательных операций в Ровно и окрестностях, Кузнецов прятал евреев, помогал отправлять их в партизанский отряд.

Что ж, теперь и об этих благородных деяниях Кузнецова становится известно.

Бомба на блюдечке

Нелегалы Моррис и Лона Коэны считаются одной из самых результативных семейных пар в советской разведке.

Во многом именно благодаря им и добыты секреты американской атомной бомбы. Звание Героев России Лоне и Моррису было присвоено уже посмертно, но с Моррисом Коэном, Питером Крогером, Санчесом, Израэлем Ольтманном, Бриггсом, Луисом ..., едином в бледном своем лице мне удалось встретиться незадолго до его кончины. Пожалуй, я единственный русский журналист, которому так повезло, Наша беседа летом 1994-го длилась часа четыре, и помогла понять многое в весьма сложной и запутанной истории их жизни.

ИЗ ДОСЬЕ

Моррис Коэн (1910–1995) – разведчик – нелегал, Герой России.

Лона Коэн (1913–1993) – супруга Морриса, разведчик– нелегал, Герой России.

В США руководили агентурной сетью, получившей название «Волонтеры». Во время войны добывали чертежи и образцы современного оружия. Это в их группу входила чета Розенбергов, впоследствии казненных. В Штатах трудились с шестью советскими связниками, в том числе с легендарным Абелем. Роль Коэнов в добыче атомных секретов неоценима. Чтобы избежать провала, были вывезены советской разведкой из США.

После трехгодичной учебы в Москве были посланы в Англию в качестве помощников советского нелегала Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл. Арестованы в результате предательства польского разведчика – перебежчика. После девяти лет в тюрьмах ее величества обменены. Получили советское гражданство и до конца дней жили в центре Москвы. Несмотря на кажущееся обилие материалов о Коэнах, их деятельность в разведке раскрыта не до конца. Некоторые не известные раньше детали – в этой книге.

Мне почему-то казалось, что Моррис живет где-то в дачном поселке за высоким забором или на какой-то специальной квартире далеко от центра. Выяснилось, мы почти соседи. Большой дом на Патриарших прудах, нелюбопытный лифтер, крепенькая медсестра, тактично поддерживающая под локоток прихрамывающего, седого как лунь старичка с палочкой.

Его русскому языку далеко до совершенства, хотя объясниться с окружающей обслугой Моррис со страшным акцентом, но вполне может. Впрочем, прикрепленный к нему офицер Службы внешней разведки, навещающий Коэна несколько раз в неделю, безупречно говорит на английском. Да и со мной Моррис предпочел общаться на этом, своем родном – и совсем не забытом, легким, весьма интеллигентном. Если уж мы изредка переходили на русский, то Моррис обращался ко мне на «ты». Впрочем, и медсестрам, и остальным он говорил только «ты».

Экскурсия по уютно, но без излишеств обставленной трехкомнатной квартире не дает забыть, у кого в гостях находишься. На видных местах фото двух наших разведчиков-нелегалов – Фишера-Абеля и Молодого-Лонсдейла. Так уж сложилась судьба, что с обоими Коэнам довелось поработать. С первым в США, со вторым – в Великобритании. Рядом в рамочке фотография Юрия Андропова, он в свою бытность Председателя КГБ СССР заглядывал в эту квартиру. Портреты Морриса и Лоны, написанные, как объясняет мне хозяин, «товари-

щем из нашей службы». Знаю-знаю, что это за товарищ. Кому как не полковнику СВР и заслуженному работнику культуры, художнику Павлу Георгиевичу Громушкину было разрешено и доверено создать целую не короткую серию портретов наших героев-нелегалов.

А рядом – некоторым диссонансом с этим официозом – веселые и цветастые стенные газеты, открытки, написанные подчас крупным детским почерком. Нет, не забывали Морриса внуки и правнуки российских чекистов, вместе с которыми Моррис и Лона рисковали за кордоном. Чуть суховатая, несколько академическая квартира согревается теплом. Мне рассказывали, что после смерти Лоны от рака в 1993-м этого тепла Моррису очень не хватало. Он грустил, и заботливые «прикрепленные» офицеры из СВР не давали впасть в депрессию.

Помимо фотографий о редкой профессии хозяина говорили и книги. Для большинства читателей – в них история разведки, для Морриса – его собственная. Тяжело опираясь на палку, привычно достает фолиант, сразу же открывает на нужной странице: «Вот англичане пишут, будто я сделал то-то. Не совсем так». Или: «В США до сих пор верят, что... Пусть они остаются при своих заблуждениях».

А в коридоре большой рисунок типично испанского дома с колоннами, около которого Моррис, приехавший в ту страну под именем Израэля Ольтманна, надолго задерживается: «Приглядитесь к особняку, какие колонны, а? Я потом вам объясню». И пошли воспоминания о гражданской войне в Испании, о товарищах, которые уже ушли. Характеристики точны, я бы сказал, резки, хлестки, о некоторых трепачах Коэн отзывается без всякого уважения, особенно о парочке болтливых французов. А несколько человек из Интербригады в то время еще были живы. Кое с кем мой гид вел переписку из Москвы: создавался музей памяти интернационалистов, и Моррису было что в него передать. Один друг, с ним Моррис сражался в гражданскую бок о бок, хотел было приехать, вроде и формальности уладили, но внезапно замолчал, пропал. У Морриса, едва ли не в первый и последний раз за нашу встречу, на глазах слезы. Похоже, друга больше нет. Они воевали в Испании, ходили в атаку. Интербригады, Франко, фашизм...

Именно фашизм подтолкнул тогда многих, даже от марксизма далеких, в объятия страны Советов. Гражданская война в Испании – первое и открытое столкновение с оружием в руках с нарождающейся коричневой угрозой – объединила и сплотила тысячи антифашистов, невольно превратив их в огромный подготовительно-отборочный класс советской разведшколы. Оттуда, из Испании, в ряды тайных бойцов шагнули десятки, если не сотни, наиболее преданных. Среди них был и Моррис Коэн.

Он прошел по всем ступеням, ведущим в друзья СССР. Член Лиги молодых коммунистов, еще в детстве слышавший на нью-йоркской Таймс-Сквер Джона Рида и до последних дней считавший его «лучшим оратором в моей жизни». Ночами студент-агитатор Коэн расклеивал листовки в студенческом кампусе. Потом превратился в распространителя коммунистической печати и партийного организатора. Вопреки придиркам преподавателей, пытавшихся на всех экзаменах завалить молодого и настырного коммуниста, он получил диплом учителя истории. А практический курс исторических истин отправился добровольно осваивать на гражданской в Испанию, где сражался под именем Израэля Ольтманна.

Ему везло и не везло. Командовал взводом, стрелял, не промахивался, но в сражении при Фуэнтес д'Эбро был серьезно ранен: прострелены обе ноги. В барселонском госпитале его лечили почти четыре месяца. Он уже сам помогал выхаживать лежачих, вместе с ним проклинавших Франко с тем большей яростью, чем чаще одерживал победы проклятый генерал. Грустно, но, кажется, битва приближала к концу – и совсем для них несчастливому.

Наверно, понимали это не только добровольцы из Интербригад, но и советские советники, их опекавшие. Благоприятного для вербовки момента упускать было никак нельзя. Где потом разыщешь и соберешь такую разношерстную, зато поголовно поддерживающую Советы массу.

И вот тут-то, в 1938-м, советник из СССР отправил прямо на грузовике выздоравливающих числом в 50–60 в двухэтажный особняк, вид которого Моррис с непонятной мне в тот момент настойчивостью и демонстрировал в прихожей. Особнячок, сколько же, интересно, людей через него прошло, и довел Коэна до Москвы.

Он был третьим из американцев, которого пригласили «на интервью». Не все, с кем говорили и кому предлагали, согласились идти в разведку. А Моррис без колебаний сказал «да!».

Некоторые авторы книг настаивают: Коэн – это последняя перед побегом в США и наименее удачная вербовка резидента Александра Орлова. Однако Моррис в разговоре со мною версию об Орлове решительно высмеял. Был другой человек и другая беседа в том особнячке с четырьмя колоннами. Но результат тот же: в 1939 году, когда развернулась в Нью-Йорке международная выставка, в кафе неподалеку от нее к Коэну подсел приехавший из Москвы молодой паренек. По виду – явный, как и Коэн, еврей. Подозреваю, что в твердой транскрипции фамилия Морриса звучала бы скорее как Коган. А настоящее имя встретившегося с ним сотрудника советских органов безопасности – Семенов Семен Маркович. Одесский мальчик из бедной еврейской семьи, окончил Московский текстильный институт и с 1937-го служил в НКВД. В США успевал делать сразу два важных дела. Учиться в Массачусетском университете, диплом которого впоследствии и получил, а также активнейше работать в резидентуре советской внешней разведки под псевдонимом Твен.

Два соотечественника и почти что одногодка понравились друг другу. Коэн пригласил заглянуть к нему домой. Там, в скромном жилище Морриса, а не в кафе на глазах у всех, Твен и протянул новому знакомцу сломанную расческу. «Вещественный пароль», как говорят в разведке, точь-в-точь пришелся к половинке расчески, захваченной Моррисом из Барселоны. Твен и стал первым – из шести – советским куратором, который приступил к работе с Луисом. Такой оперативный псевдоним присвоили Моррису в Центре. В 1941-м, женившись, он, Луис, завербовал, конечно же, с разрешения Москвы, и жену Леонтину или коротко Лону, которая получила кодовое имя Лесли.

В двух-трех довольно солидных, по крайней мере, пухлых, зарубежных изданиях Коэна с определенной долей сомнения называют американцем, а вот Лону зачислили в советские разведчицы: нелегально заброшенная в Штаты, Леонтина вышла замуж за Морриса фиктивно. Ерунда. Леонтина Тереза Петке родилась в 1913-м в Массачусетсе. Родители эмигрировали в Америку из Польши, и в жилах ее действительно текла славянская кровь. Член компартии США, профсоюзная активистка, она познакомилась с будущим супругом там, где и должна была по логике познакомиться: на антифашистском митинге. Догадывалась о связях мужа с русскими, а затем, когда ему разрешили раскрыться перед женой, сразу же согласилась работать на них из тех же бескорыстных побуждений. Истинно бескорыстных, ибо как рассказывал мне один из шестерых российских разведчиков-кураторов Коэнов, любая попытка вручить им вознаграждение вызывала решительный отпор. В конце концов, договорились, что «Волонтеры», так по вполне понятным соображениям, но без ведома Морриса, окрестили его группу в Москве, будут принимать деньги не за добытые сведения, а исключительно на оперативные нужды: покупку пленок, фотоаппаратов, поездки на поездах и на такси. Так однажды Моррис на пару с Лоной вывезли с военного завода новейший пулемет. Этот эпизод из их разведдеятельности запомнился Моррису потому, что ствол был тяжелый, длинный и никак не помещался в нанятый кэб. Пришлось втискивать его в багажник машины с дипломатическим номером, догадайтесь, пожалуйста, какой страны.

– Зато сэкономили на такси, – пошутил Моррис, и мы рассмеялись.

Кстати, пулемет в полном сборе «достала» Лона-Лесли. Это – одно из ее многочисленных свершений в нелегальной разведке. Незадолго до кончины СВР России помогло осуществиться одной из ценнейших своих героинь предсмертную мечту: в Москву из США приез-

жала родная сестра Леонтины. Собиралась приехать еще... Формально въезд в Штаты не был закрыт и для миссис Коэн. Ни против нее, ни против мужа никаких официальных обвинений не выдвигалось.

Правда, когда в 1957 году в Нью-Йорке арестовали советского разведчика под именем Абель, в вещах его нашли две фотографии – прямо на паспорт – супругов. Агенты ФБР осведомились у соседей, к тому времени уже сгинувших в неизвестность Коэнов, не видели ли они когда-нибудь этого русского полковника. Соседи искренне колебались. Кажется, однажды под Рождество этот скромно одетый человек навещался к Моррису и Лоне. Но сказать точно – «да, он», не рискнули.

Добравшись до СССР, Коэны приняли советское подданство, и Моррис с гордостью продемонстрировал мне свой довольно-таки заношенный паспорт, сказав, что он такой же гражданин России, как и я, попросив в придачу никогда больше не называть его мистером. Или товарищ, или просто Моррис, ну, Питер. Тут, замечу, он и сам слегка путался в собственных именах, и, рассказывая о жене, называл ее всякий раз по-разному – Лесли, Лона, Леонтина, Хелен. Один разок прорвалось и совсем необычное имя, называть которое мне, по понятным причинам, не стоит.

Детей у супругов не было, и о причинах догадаться несложно. Хотя есть и другая версия. Играя в американский футбол, Моррис получил страшный удар ногой в пах. И вот тут начинается забавная история. Статистика любимой в США игры ведется безукоризненно. И во многом благодаря этому самому футболу американцы раскопали, что Моррис Коэн действительно свой, коренной, а не какой-то из СССР засланный. В колледже, а не в университете, этот игрок, родившийся в Нью-Йорке в 1910-м, выступал за студенческую сборную и даже получал спортивную стипендию. Моррис подтвердил мне, что играл, не жалея себя. Особенно в юные годы: «Может, поэтому у меня до сих пор болит и ноет по ночам разбитая на игре в Миссисипи коленка. А еще в одной схватке меня так саданули прямо между ног, что с поля унесли на носилках. Долго лечили...» И тяжелый вздох.

Почти что за год до кончины Коэн не знал, остались ли у него в США родственники. Отец откуда-то из-под Киева, мать родилась в Вильно, а жили в Нью-Йорке в страшной бедности в районе Ист-Сайда. По-русски, вспоминает Моррис, никогда не разговаривали, и у меня есть все основания в этом не сомневаться.

Люди, знавшие чету Коэнов достаточно близко по их московскому и окончательному периоду, как и полковник Юрий Сергеевич Соколов, один из их шести связников, работавших с ними в США, утверждают: у разведчиков-нелегалов была идеальная совместимость. Верховодила, вроде бы, Лона, однако решения принимал как в США, так потом и в Англии, и в Москве молчаливый Моррис. Лона щебетала по-русски, он погружался в книги на английском. Правда, во время встречи признался мне, что теперь долго читать не может – болят усталые глаза.

На длиннющий список моих напечатанных по-английски вопросов смотрел через огромную лупу. На многие из них ответов так и не последовало. Несмотря на возраст, показал себя большим мастером уходов в сторону. Повествование о трудном нью-йоркском детстве, рассказы об отце – сначала уборщике, потом торговце овощами. Здесь, я, между прочим, понял, что многие конспиративные встречи проходили именно в папиной зеленой лавке. Видимо, отец не только догадывался и знал, но даже иногда и помогал.

С удовольствием вспоминал лишь о хрестоматийном эпизоде с вывозом чертежей из засекреченной атомной лаборатории в Лос-Аламосе, где так отличилась Лесли. Не могу его не привести, несмотря на то, что подвиг описан во многих книгах и вошел во многие учебники разведки разных стран, как пример не только мужества нелегального разведчика, но и его находчивости и невиданного хладнокровия.

Шла война, и в июне 1942-го Коэна мобилизовали. Служил в разных местах, даже где-то на Аляске. Так что из армии было не выбраться. Вот и пришлось Джонни – еще один связник группы «Волонтеров», он же легальный советский разведчик Анатолий Яцков, посылать на встречу с неведомым агентом Персеем в неблизкий от Нью-Йорка Лос-Аламос, Лону Коэн. Она должна была взять у незнакомого молодого человека, трудившегося в секретной атомной лаборатории, «что-то» и передать это «что-то» Яцкову или, как говорит Моррис, «нашим» в Нью-Йорке. Лона, по признанию Морриса, не слишком догадывалась, за чем именно едет.

Получила с трудом отпуск, ведь работала на военном заводе, и чуть обезопасилась свидетельством нью-йоркского врача: отправляется на курорт Альбукерк подлечить легкие. А это недалеко от Лос-Аламоса или Карфагена, как называли его в Центре. Но и в Альбукерке за приезжими тоже приглядывали, поэтому Лона и поселилась в Лас-Вегасе, городке, название которого абсолютно схоже с именем мировой столицы светящихся и разорительных казино. Снимала комнатенку у какого-то железнодорожника и лечилась, принимая процедуры. Перед отъездом ей показали неясное фото агента, вошедшего затем в историю под именем Персей.

Даже тех, кто работал в атомной лаборатории, из закрытой зоны в город выпускали лишь раз в месяц по воскресеньям. В этот день они с Лоной и обязаны были встретиться в Альбукерке на оживленной площади у храма. Признаться, здесь, на мой непросвещенный взгляд, накрутили чересчур много всякой чертовщины. Помимо пароля, юный Персей должен был держать в правой руке журнал, в левой – обязательно желтую сумку, из которой торчал бы рыбий хвост. И не просто рыбий, а сома. Если сумка повернута к Лесли лицевой стороной с рисунком, то к Персею можно подходить смело: слежки нет, обмен паролями и передача сумки.

Лесли пришлось изрядно понервничать. У нее уже заканчивался отпуск, а Персей все не приходил. Говорят, что даже удачная, но рискованная конспиративная встреча отнимает у разведчика месяц жизни. А Персей объявился только на четвертое воскресенье. Журнал он держал не в руке, а в сумке. Молодой парень подзабыл и пароль, затем с ходу признался Лесли, что запутался, в какой же день должна был состояться встреча.

Но нервные клетки были потрачены не напрасно. Между рыбиной, это действительно был сом, и журналом, лежали полторы сотни документов. От себя добавлю: важность и значительность их были таковы, что уже сравнительно скоро об их содержании творец советской атомной бомбы доложил отвечающему за создание атомного оружия Берии, а тот – Сталину.

Сообщил мне Моррис и деталь, которая за годы прошедшие с нашей с ним встречи так и осталась неразгаданной подробностью. Оказалось, что то был не единственный раз, когда Лесли отправлялась в рискованный путь именно в те края.

Да и первое путешествие чуть не завершилось провалом. Ни Лесли, что понятно, да и резидентура, что обидно, даже не подозревали: все уезжающие из городков поблизости от Лос-Аламоса, обыскиваются на вокзале. Слава Богу, уж неважно какому, Лесли обнаружила это еще на подходе к железнодорожной станции. Сознательно замешкалась, выскочила на платформу с тяжеленным чемоданом за несколько минут до отхода поезда и ринулась к своему вагону. Наглядно демонстрируя всю степень собственной незащитности обратилась прямо к сотруднику спецслужбы, досматривавшего вещи пассажиров. Разыграла сценку потери билета, всучила ему в руки коробочку из-под бумажных платков, в которой и были запрятаны полторы сотни атомных документов. Поезд уже тронулся, когда Лесли, наконец, «нашла» билет. Обыскивавший ее сотрудник еще держал коробочку, так никогда и не узнав, что за драгоценность была намеренно всунута ему «рассеянной» дамочкой. Он еле успел отдать на ходу пассажирке бесполезную коробку.

Лесли чудом избежала провала. А мы, кто знает, могли бы в срок и не изготовить собственную атомную бомбу: ниточка обязательно потянулась бы к Персею, и один из ценнейших наших атомных агентов был бы обезврежен.

Моррис Коэн знал настоящее имя этого человека. Тот сам обратился к нему с просьбой вывести его на русских, зная, что Коэн работает в «Амторге». Моррису поручили провести с парнем прямой разговор. Встретились в ресторане «Александрс», продолжили, как я понял, в лавке отца. И началось сотрудничество Персея с советской разведкой.

Но о том, чтобы раскрыть имя агента – ну даже ни намека. Тогда в 1994-м Моррис лишь сухо заметил, что во всей Службе внешней разведки осталось двое, ну, трое людей, которые могут припомнить истинное имя Персея – молодого гениального ученого. Одно упоминание о вознаграждении приводило этого паренька, по словам Морриса, в ярость. Он работал бескорыстно, как и вся группа Морриса. Замыкался на нем, Коэне, и еще на одном «нашем товарище». Теперь, когда Морриса нет, удалось выяснить и имя этого «товарища» – это американский журналист Курнаков, работавший на ту же разведку. Цепочка довольно короткая. Предатели Персея не знали, арестованные разведчики, если и догадывались о его существовании, то не выдали. А в конце разговора Коэн меня ошарашил, сказав: «Надеюсь, что Персей и сейчас живет в США тихой, мирной жизнью. Ему есть чем гордиться».

Теперь, годы спустя, конечно, понимаю, что Коэн знал о судьбе Персея, на что дал мне не свойственный для себя толстый намек. Был уверен, что имя ценнейшего добытчика уникальных сведений никогда не откроют. Но и великий Коэн ошибся. Настоящая фамилия добровольного помощника – Теодор (Тед) Холл. После войны отошел от сотрудничества с советской разведкой. До 1962 года жил в США, затем переехал в Англию, где работал в Кевиндишской лаборатории и сделал несколько выдающихся открытий в области биофизики. Тяжело заболел, и последние дни провел в вилле на французском побережье напротив Британии. О его деятельности «в пользу русских» стало известно из-за предательства ничтожного человека, архивариуса Митрохина, сбежавшего из России за границу. Но Холл, который вместе с женой и в старости придерживался левых взглядов, был неуклонно тверд. На вопросы журналистов, как и на открытые обвинения в шпионаже в пользу Советов, гордо не отвечал. Умер от рака в 1998 году, напоследок признавшись, что «не будь у СССР и США ядерного паритета дело могло закончиться атомной войной. Если я помог избежать этого сценария, то соглашусь принять обвинения в предательстве».

Заканчивая рассказ об американском периоде работы Коэнов, замечу, что, по всей видимости, в его группу с так и не признаваемым самим Моррисом названием «Волонтеры» входили и казненные потом супруги Розенберги, и талантливый ученый Джоэл Барр, и многие-многие другие американцы, обогатившие Советский Союз ценнейшими сведениями, не буду уточнять какого порядка.

Леонтина и Моррис продержались в США на своих немисливо дерзких ролях около двенадцати лет. Импульсивная эмоциональность Лоны, ее любовь к риску достойно уравновешивались его холодной рассудительностью, осторожностью. К тому же работавшие с ними русские берегли эту пару не только с профессиональной, но и с душевной ответственностью.

Однако благодаря операции «Венона» американская разведка расшифровала послания КГБ военных лет. И в Центре поняли: «Волонтеры» – под угрозой. В 1950 году их стали потихоньку выводить из игры. О достижениях дешифровальщиков США, в Москве, понятно, не догадывались, но другой, такой же ценный агент как Персей – немец Фукс уже был арестован в Англии.

И вот связник полковника Абеля Юрий Сергеевич Соколов, работавший под дипломатической крышей, в один далеко не прекрасный день пришел прямо домой к Коэнам. Нарушив все разведывательные заповеди, он долго убеждал Морриса и Лону: надо уезжать. Боя-

лись прослушки и вели громкий разговор о чем-то постороннем, при этом переписываясь на бумаге. Лона жгла исписанные листы в ванной комнате, наполнившейся в конце затянувшейся беседы клубами дыма.

Моррис убеждал, что как раз-то сейчас, когда работа налажена, уезжать глупо. Они столько могут сделать и если надо, перейдут ради этого на нелегальное положение, используя чужие паспорта. Соколов уговаривал не рисковать. И когда Моррис вывел на бумаге: «Это приказ?», ответом ему было короткое, твердо написанное «Да!» И тогда Коэн написал: «Значит, нечего дискутировать. Мы согласны».

Летом 1950-го они всю готовились к отъезду. Для друзей была создана целая легенда. Она была столь похожа на истину, так переплеталась с жизнью, которую они вели, что подозрений не возникло даже у близких. Коэн делал дело, которым очень гордился и которое ему приходилось вот так решительно бросать. Что ждало его и Лону? Ему предстояло покинуть страну и родной Нью-Йорк, который, он сам мне в этом признался, «изучил, как свои пять пальцев». К тому же они слышали о жестокости Сталина.

Да и бежать надо было быстро. Вскоре у них появились паспорта на имя супругов Санчес. Кстати, и здесь провидение подсказывало: надо сматываться – и срочно. Ведь Клода Соколова, случайно нарушившего правила и проехавшего на красный свет, чуть не арестовали. А на руках у него – их паспорта с новыми фамилиями.

Многих путешествие на пароходе по маршруту Нью-Йорк – мексиканский порт Веракрус, да еще за чужой счет обрадовало бы. Но только не их. При прощании с отцом, это рассказал мне в Москве Моррис, он «эмоционально не выдержал, чуть не опоздал на судно. Отец тоже понял, что нам больше никогда не увидится. Один из тяжелейших моментов моей жизни».

Так бесследно исчезли из квартиры на 71-й нью-йоркской Ист-стрит Лона и Моррис Коэны. Выждав, как и договаривались некоторое время, отец со вздохом сообщил знакомым, что сын с женой покинули Штаты, чтобы попытаться счастья в иных краях, и закрыли свой банковский счет. По-американски сие обозначало уплыть с концами...

А они после парохода добирались до Москвы не путем не самым коротким. Сначала Мексика и конспиративная квартира советской внешней разведки. Затем Франция, Германия, Швейцария, Чехословакия и конечный пункт – Москва.

Отрезок Женева – Прага оказался наиболее опасным. Рейсы в столицу социалистической Чехословакии – раз в неделю, билеты проданы, а давить, требовать места им было никак нельзя. Да и паспортный контроль в аэропортах уже тогда был обеспечен. В поездах в те годы его иногда удавалось избежать. Хелен-Лона была на пределе. Гонка по странам давила на психику. И они решили рискнуть, перебраться в Прагу через германскую границу.

И тут ждала сложность. В ту пору для редких американцев, направлявшихся в страны коммунистического блока, требовался маленький вкладыш в паспорт. Он выдавался в государственном департаменте или в консульствах США за границей. В них-то Коэнам, странствующим под еще одной новой фамилией – супруги Бриггс, – обращаться хотелось меньше всего. За время не короткого путешествия могло произойти что угодно. Что если их уже разыскивали по всему миру?

Двинулись поездом, без вкладыша. Надеялись, пронесет. Но нарвались на проверку документов. Немцы высадили из поезда, и строгий офицер отдал приказ: «Следуйте за мной!». Задержали их в ночь на субботу, и старательный немец тотчас принялся названивать в ближайшее американское консульство. К счастью, телефон не отвечал: уик-энд для дипломатов – святое.

Глупо было попасться вот так, после всего того, что они сделали и после стольких миль пути. Впрочем, супругов Бриггс могли тормознуть и в аэропорту. Еще не арест, но очень и очень рядом. Надо было действовать, что-то предпринимать, и миссис Бриггс под-

няла типичный американский скандал – орала на немцев: «Кто, в конце концов, выиграл войну – Штаты или вы? Не имеете права задерживать американскую делегацию». Делегация была еще та. Но это типично в стиле Лоны: чем труднее ситуация, тем быстрее она ориентировалась и решительнее действовала. А уж голос в те годы звучал громко.

И испуганные пограничники слегка дрогнули, привели какого-то заспанного малого – сержанта американской армии. Тот спросонья быстро вошел в положение соотечественников, ссаженных с поезда «этими немцами». Оно, впрочем, было еще более нелегким, чем ему представлялось. Парень тут же, при Бриггсах обратился по телефону к своему военному начальству. Но и там ответили, что генерал, от которого все зависело, приедет к девяти утра.

Сержант явно сочувствовал милой паре, притащил откуда-то вино «Либе фрау Мильх», и Бриггсы принялись отмечать с ним свой идиотский арест или нечто вроде того. Лона, сменив гнев на милость, пригласила на рюмку и двух задержавших ее с мужем немецких офицеров. Лона разошлась, «Либе фрау» поглощалось пятеркой странного состава все быстрее – одна бутылка за другой. Однако генерала, которому сержант, несмотря ни на что дисциплинированно названивал, не было ни в девять утра, ни в десять. Может, тоже загулял? И сержант, желая помочь своим, попытался запросить насчет бедных Бриггсов кого-то в Мюнхене. Кажется, мышеловка захлопывалась.

И вдруг пришел он, шанс. Каждый разведчик всегда его ждет, а шанс изредка появляется, но чаще всего – нет. Однако тут он возник. Во-первых, закончилось вино. Во-вторых, сержант торопился на свидание к незнакомой Гретхен, и спасшей Коэнов. В-третьих, немецкие офицеры-пограничники напились и по команде младшего по званию американца с трудом поставили свои неразборчивые закорючки в паспорта таких компанейских супругов-американцев. И, в-четвертых, почему-то как раз подоспел поезд на Прагу. Рыжий сержант любезно посадил в него новых знакомых. Он даже забросил на полки их чемоданы. Короче, 7 ноября 1950 года Коэны отмечали уже в Праге.

Правда, в чешской столице что-то не сработало, и никто их там, вопреки всем обусловленным в тщательно продуманной операции деталям, совсем не ждал. Тогда 7 ноября праздновали и в Праге, связаться с кем-либо – сложно. В гостинице они чувствовали себя в безопасности. Их напугал было страшный стук в дверь, но то была всего лишь горничная, вежливо осведомившаяся, не нужен ли телефон американского посольства. Хелен ответила, что нет.

В Праге в силу разных сложных и пока не понятных обстоятельств им пришлось провести месяц. И все равно ждать отправки в Москву там, нежели чем в каком-нибудь Париже или Берлине, супругам было гораздо приятнее.

Прибытие в аэропорт Внуково их немало расстроило и даже испугало: опять никто не встречал. В голову лезли мысли: «Что если Сталин арестовал товарищей, с которыми мы работали?» Прошли паспортный контроль, таможеню – никого. Заметив смятение болтавшихся у выхода иностранцев, шофер автобуса на площади предложил подбросить их все туда же – в американское посольство. Далось же это посольство и чехам, и русским. Отмахнувшись от назойливых предложений, они попросили довести до единственной московской гостиницы, о которой слышали. В «Национале», только годы спустя они поняли свое страшное везение, их сразу и без брони поселили в неплохом номере.

Наступал вечер, русских рублей у них не было, а от долларов в гостинице отказывались, будто на них симпатичные американцы хотели закупить советские военные секреты. С некоторыми усилиями удалось заказать в комнату чай с сухим печеньем. И тут в комнату к ним ворвались друзья из их Службы. Теперь Лесли и Луис были дома и пили нечто покрепче хрупкой «Фрау Мильх».

Дальше в биографии Коэнов – трехгодичный провал, который Моррис так и не захотел восполнить. Придется сделать это мне, объяснив, что после короткого отдыха они штуди-

ровали с советскими преподавателями то, чему двенадцать лет на практике обучались «на курсах самоподготовки» в США, а именно – работу разведчика-нелегала.

Как бы то ни было, под Рождество 1954 года в доме № 18 по Пендерри Райз в Кэтфорде, что на юго-востоке Лондона, обосновалась приятная семейная пара. Питер и Хелен Крогеры приехали в Великобританию из Новой Зеландии. 44-летний глава семьи приобрел небольшой букинистический магазинчик поблизости.

Дело у него поначалу двигалось вяловато. Иногда путался не в книгах – здесь он как раз был силен, а в финансах. Соседи и те поняли, что интеллигентный, мягкий Питер – букинист из начинающих. Резидент-нелегал Конон Молодой, он же бизнесмен Гордон Лонсдейл, хорошо знакомый им по работе в США под кличкой Бен, придерживался прямо противоположного мнения. У него появилась пара надежных связников-радистов. За шесть лет в Лондоне трио успело немало.

Он проработали до 1961 года. Арест застал их врасплох, хотя за несколько дней до провала и почувствовали слежку. Столько шпионских принадлежностей сразу, сколько отыскивали в домике на Пендерри Райз, британская контрразведка еще не видела. Они уже отсиживали свой срок, а в саду, в доме то и дело натыкались на запрятанные, закопанные предметы, в предназначении которых никаких сомнений не возникало.

Причина ареста трагически банальна – предательство. Продал разведчик дружественной нам тогда Польши. Суд продолжался лишь восемь дней. Дружище Бен – Лонсдейл получил 25 лет. Он мужественно взял всю вину на себя, всячески выгораживая Крогеров. А те, вопреки пудовым уликам в виде радиопередатчиков и прочего, настаивали на своей невиновности и не выдали ни единой фразой связи с советской разведкой.

Не всплыли ни их настоящая фамилия, ни то, чем Коэны-Крогеры занимались двенадцать лет в Соединенных Штатах. А ведь уже отсиживал свое в американской тюрьме русский полковник, взявший при аресте фамилию Абель. Человек, которому они в Нью-Йорке передавали секретнейшую информацию. Тут видится мне какая-то необъяснимая неувязка. Неужели американские спецслужбы не сотрудничали с коллегами-англичанами, не обменивались сведениями? Нет, что-то здесь не так и, уверен, со временем это «что-то» тоже выплывет наружу.

В Англии же вся троица наотрез отказалась сотрудничать и с судом, и с британской контрразведкой, а Крогеры даже не захотели обсуждать предложение о смене фамилии и вывозе из страны в обмен на понятно что. Может, и поэтому приговор вынесли суровый: Хелен – 20 лет, Питеру и Бену – по 25. Это решение было воспринято всеми тремя, по крайней мере, внешне, с профессионально сыгранным безразличием. Они сохраняли его все девять лет мотаний по тюрьмам Ее Величества.

Морриса переводили из камеры в камеру, перевозили с места на место. Боялись, убежит или разложит своими идеями заключенных. Сидел и с уголовниками: сотрудники спецслужб надеялись, что сокамерники сломают русского шпиона и уж тогда... Но Коэн находил с ними общий язык. В уголке большой комнаты его квартиры на Патриарших прудах приютился здоровенный медведь в голубом плюше. Тюремный подарок на день рождения от знаменитого налетчика, совершившего «ограбление века» – банда увела из почтового вагона миллион фунтов стерлингов наличными.

Сотрудника британской Секрет Интеллидженс Сервис Джорджа Блейка, долгие годы передававшего ее секреты советской разведке, судили в том же 1961-м и приговорили к 42-м годам. И вдруг каким-то чудом или по недосмотру они оказались вместе в лондонской тюрьме Скрабс. Стали с Питером-Моррисом друзьями до конца жизни. Говорили обо всем на свете и находили общий язык, словно сиамские близнецы. Но даже от ближайшего друга Блейк скрывал приготовления к побегу.

– Джордж сбежал, – широко улыбается Моррис. – Ничего другого не оставалась.

А его, еще не успевшего ничего узнать о вечернем побеге Блейка, наутро перевели из Скрабс в тюрьму на остров Уайт. Отсюда никто никогда не убежал и не убежит – от острова до ближайшей сухой точки миль 30. Режим суровейший, климат мерзкий, еда отвратительная. И если бы не книги и не любовь, он мог бы сойти с ума.

Да, любовь – не значившийся в их досье ни на этой, ни на той стороне компонент, помогла вынести девять лет заточения. Они с Хелен писали друг другу письма, и это глушило боль и унижение. Ожидание маленьких конвертиков, где количество страничек сурово ограничивалось Законом, было тревожным, подчас тягостным. Получение заветной весточки от любимого человека превращалось в праздник для обоих. Переписывались они и с Беном. Но это уже другие письма и другая история. Как же только не называл Моррис свою Леонтину – и Мат, и Сардж, и моя дорогая, и моя возлюбленная, и милая моя голубушка... Нежность в каждом слове и каждой букве. Лона отвечает тем же.

Они встречались редко и только под надзором тюремщиков. Потом он писал ей об этих встречах, вспоминая каждый миг и каждую секунду. Жили надеждами, поддерживали друг друга, как могли. Наверное, благодаря письмам он и выдержал тяжелые болезни, замучившие в тюремной камере.

Однако в посланиях не только любовь с суровой тюремной обыденщиной. Философские рассуждения. Обращения к далекой истории. И вера в себя, в российских друзей. Чего стоят хотя бы эти строки Морриса о советской Службе внешней разведки, обращенные к Хелен: «У меня нет сомнений, что если они не передвигают небо и землю ради нас, то они колотят и руками, и ногами в дверь Господа Бога». Но ведь не мог же Моррис действительно знать, какие усилия предпринимаются в Москве, чтобы добиться их освобождения? Или чувствовал? Верил?

Нет, не зря Служба внешней разведки России разрешила обнародовать свыше 700 страниц переписки супругов Конона, а также Конона Молодого. Наверное, еще никогда разведчики-нелегалы не представляли перед публикой в жанре сугубо эпистолярном, как в этих двух серьезных томах.

Какая же это любовь! Когда мы встретились с Моррисом, Хелен уже давно не было. Однако иногда казалась, что она ушла только что и вот-вот вернется из булочной на Бронной. Даже вещи ее оставались в комнате и лежали на своих привычных для нее и Морриса местах, дожидаясь на часок отлучившейся хозяйки. Портреты и фотографии Хелен. Хозяин квартиры все время вспоминал ее как живую: «Хелен говорит... Хелен считает... Вы же знаете, какая рискованная Хелен...» Он не был подкаблучником или безнадежно влюбленным. Объединяло глубокое, светлое чувство.

После девяти лет тюрьмы Коэнов-Крогеров обменяли на британского разведчика Джеральда Брука. Громаднейшие были преграды: КГБ не мог признать их своими. Пришлось действовать через поляков. И из Лондона под вспышки фотокамер они улетали в Варшаву. В Москве, осенью 1969-го, их ждал Молодой-Лонсдейл, еще в 1964-м обмененный на англичанина Гревилла Винна – связника предателя Пеньковского.

Что делали они, вернувшись на вторую Родину? Много чего. Помимо того, что учили молодых последователей, Лона совершила одно (или совсем не одно?) долгое и рискованное путешествие вместе с важным начальником – генералом. объездили на важном для советской разведки континенте страны, где обосновались наши нелегалы. Предлог был придуман удачный. Богатый антиквар в сопровождении супруги высматривает ценные экспонаты для собственной коллекции.

Были и еще путешествия. Но о них – полный молчок.

Моррис убеждал меня, что именно здесь, в России, он, советский гражданин, у себя дома. На мой вопрос, не скучно ли ему здесь без соотечественников, без родного английского, обиделся:

– Я же встречаюсь с Джорджем Блейком. Человек высочайшего интеллекта. Еще неизвестно, были бы у меня знакомые такого класса, останься мы с Лоной в Нью-Йорке. Мы дружили со всеми теми, кто работал с нами в Штатах и Англии. И когда оказались в Москве, эта личная, замешанная на общем деле и чувствах дружба переросла в семейную. Бена уже нет, а его жена Зина меня навещает. И жена Джонни тоже. И Клод – Юрий Соколов. Милт (Абель-Фишер. – *Н.Д.*) умер, но мы видимся с его дочерью Эвелин. Мы были волею судьбы друзьями там. Собственной волей оставались друзьями и здесь.

От себя все же добавлю, что встречи, к примеру, с Блейком, да и с другими, стали, по моему, более частыми в последние годы жизни. Тогда живущие в Москве Коэны постепенно отходили от работы в своем суперсекретном Управлении СВР. А до того круг общения Лесли и Луиса был, кажется, определенным образом ограничен. Все-таки хотелось бы мне знать, чем занимались они в штаб-квартире российской внешней разведки...

Коэны дружили в Москве и с равной им по содеянному супружеской парой разведчиков-нелегалов. Это Герой Советского Союза Геворк Андреевич и его супруга Гоар Левонна. Вартамян отозвался о Коэнах как об одних из самых преданных России людей. Тут обязан заметить, что, несмотря на суровую реальность своей профессии, во всех них проглядывают черты, несколько нами подзабытые. Вартамяны, Коэны, Абель, Соколов, да и Джордж Блейк в какой-то мере идеалисты. Свято верили в идею, в безукоризненную правоту выбранного Страной Советов пути, в светлые идеалы. При первой и, увы, последней нашей встрече, Моррис убеждал меня, что коммунистические идеалы все равно вернуться, а сегодня безупречное общество не удалось построить только потому, что мы сами просто пока не были, как следует, готовы к этому. Что ж, любовь действительно творит чудеса. Любовь к родине, к женщине, к делу, которому служишь.

Моррис Коэн скончался в начале июля 1995 года в московском госпитале без названия. Даже среди наших соотечественников найдется совсем немного людей, любивших Россию столь страстно и оптимистично, как любил ее Моррис. Коэн столько знал и столько унес с собой. В его квартире на Патриарших я спросил, когда же еще хоть что-нибудь из всего тайного и доброго им с Лонной для России сделанного станет явным. Моррис, не задумываясь, ответил: «Never» – никогда.

Траурная процессия чинно двигалась по Ново-Кунцевскому кладбищу. Последний путь Морриса Коэна к Лоне, похороненной здесь же, по земле, с которой он сроднился уж точно навеки. Он столько сделал. И так мало рассказал. Мне однажды довелось увидеть съемки Морриса, сделанные, как бы это объяснить, для сугубо служебного пользования. Но даже там купюра за купюрой. Создается впечатление, будто Крогеры успели поработать и в еще одной стране, на еще одном континенте. Но... Что ж, он умел добывать и молчать. В этом и заключается железная логика разведки? Похоже, что действительно, «never».

Уроки Барковского

Курчатов «рожал» атомную бомбу, а разведка, словно акушерка, принимала роды.

Полковник Службы внешней разведки, Герой России Владимир Борисович Барковский – один из немногих, кто не только назубок знает историю создания советской атомной бомбы. Он и его агенты вписали в ее историю несколько славных страниц.

ИЗ ДОСЬЕ

Барковский Владимир Борисович (1913–2003). Герой России – это звание присвоено полковнику службы внешней разведки в 1996 году. В разведку пришел в 1939-м. После годичного обучения в специальной школе в 1940-м приступил к работе в Лондоне под дипломатическим прикрытием. По окончании Второй мировой войны был командирован в США, где работал по линии научно-технической разведки. Лично завербовал несколько ценных агентов. И в Англии, и в США участвовал в ответственных операциях по добыче атомных секретов. Долгие годы трудился в центральном аппарате службы внешней разведки. Вел преподавательскую работу. Входил в группу консультантов при директоре СВР по линии научно-технической разведки. Автор опубликованных в открытой печати статей по истории создания советской атомной бомбы. Увлекался планеризмом и многими другими видами спорта. Отличный теннисист – до 75 лет был завсегдатаем кортов на Петровке.

Оттуда и приходил пешком ко мне на Тверскую, таща пару ракеток и маленькую спортивную сумку. Мы вели долгие разговоры без магнитофона и записей. Я – человек со стороны в 1993-м всерьез заинтересовался историей разведки, и, судя по всему, мои материалы в больших газетах не остались незамеченными. Было в них, теперь-то это понятно и мне, немало наивностей, неточных формулировок, невольных домыслов. И образовывать настойчивого автора взялся сам Барковский. Он много чего рассказывал, особенно об атомной разведке, проводя ту самую линию, которая и находит отражение в моих книгах и сценариях. Иногда звонят – пишут неизвестные, порой и не слишком доброжелательные читатели – зрители – радиослушатели, быть может, бывшие сослуживцы Владимира Борисовича: «Почему излагаете события точно в трактовке Барковского? Он и лекции в Академии читал в таком же духе».

Про лекции не знаю, ибо «Академиев не кончал». А тем, что смотрю на события, в разведке происходившие, глазами ушедшего Барковского, искренне горжусь. Кстати, как-то обмолвился Владимир Борисович: был и в Главном разведывательном Управлении ценнейший наш разведчик, единственный в своем роде. Он много чего передал прямо из секретной лаборатории Лос-Аламоса. И ту штуковину, которая как раз инициирует атомный взрыв – тоже. Но в ГРУ порядки еще посуровей, чем в Службе внешней разведки, и вряд ли имя выплывет. Но и великий Барковский, к счастью, ошибся. Имя рядового Советской армии Жоржа (Георгия) Ковалева было рассекречено, звание Героя России, хоть и посмертно, но присвоено.

А коллеги Барковского по СВР величали его легендой разведки. «Легенда» в свои далеко за 75 лет почти каждое утро мчалась от станции метро «Сокол» в неблизкое Ясенево и вкалывала наравне с юными питомцами чекистского гнезда. Полковнику было поручено написать истинную, без всяких политических прикрас, историю Службы внешней разведки, и он с удовольствием выполнял приказ.

Увы, его трудам никак не суждено превратиться в бестселлеры. На десятки, если не больше лет, многие главы обречены на существование под грифом «Совершенно секретно». Но некоторые любопытные эпизоды, кое-какие важные факты, да и несколько неведомых раньше имен полковник Барковский в долгих беседах со мной обнародовать согласился. Ведь о первой нашей атомной бомбе ходит и по сей день столько небылиц. Вот короткая запись наших бесконечных разговоров.

Мой собеседник был сухощав, подвижен и на все вопросы реагировал с быстротой необыкновенной. Легко называл даты, мгновенно и безо всяких усилий вспоминал фамилии русские и гораздо более сложные иностранные.

Отыщется ли в мире государство без секретов? В любой нормальной, уважающей себя стране наиболее талантливые и почти всегда самые высокооплачиваемые ученые, конструкторы корпят над разработками, призванными обеспечить приоритет в военной, хотите, – оборонной, промышленности. Подходы к таким людям, естественно, затруднены. Общение с иностранцами им если не запрещено, то мгновенно привлекает внимание местных спецслужб. Элита оберегаема, она защищена, подстрахована и изолирована от излишнего назойливого любопытства.

Но почему же тогда чужие тайны все же выдаются и покупаются? У моего собеседника на это особый взгляд. Как-никак больше шестидесяти лет работы в научно-технической разведке:

– Да, мы всегда очень пристально наблюдаем за теми, кого называем «вербовочным контингентом», то есть за кругом лиц, среди которых разведка может подобрать помощников. Понятно, изучаем подобный контингент среди ученого мира. И вывод тверд. Чем выше место ученого в научной иерархии, тем затруднительнее к нему вербовочный подход. Корифеи науки, а среди них раньше встречалось немало левонастроенных либералов, могли симпатизировать СССР, интересоваться нами и потому вроде бы идти на сближение. Но, как правило, контакты ограничивались праздно болтовней. Великие очень ревностно относятся к собственному положению: не дай Бог чем-то себя запятнать. От уже занимающихся секретными исследованиями и знающих цену своей деятельности никакой отдачи ожидать нельзя. Инстинкт самосохранения у них гораздо сильнее мотивов сотрудничества. Берегут себя даже чисто психологически, а через это не перешагнуть. Поэтому мы старались выявить людей, работавших вместе с ними, около них и близких к нам по духу, идее. Задача – найти таких, на которых реально можно было бы положиться. Может быть, в науке они и не хватали звезд с неба. Однако вся агентура, с которой сотрудничали, была совсем недалеко от высших сфер. Легитимно знала все, что происходит в области ее деятельности. Непосредственно участвовала в исследованиях – теоретических и прикладных, наиболее важных и значительных. Только была немножко, на определенный уровень, ниже светил.

«Пятерка» из Кембриджа добралась до атомных секретов первой

«Кембриджская пятерка» – классический и крупнейший, по крайней мере, из открытых миру триумфов советской внешней разведки. Ким Филби, Гай Берджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант, а также относительно недавно официально признанный пятым номером Джон Кэрнкросс. Поговаривают, будто бы, возможно, не исключено... имелся и шестой. А я уверен: и седьмой, и ...надцатый. Однако если на публичную выдачу Кэрнкроссу почетного (или не очень?) билета в этот разведклуб у Москвы ушло около полувека, то имени номера шесть не назовут уже никогда. Жив ли он? Вряд ли. Всплывают время от времени фамилии каких-то англичан, поселившихся во Франции и якобы сотрудничавших с Филби. Кто-то еще вроде сбежал, но не в Москву – куда подальше от Британских островов... Шестого, если он существовал, не вычислить.

Отдает примитивной арифметикой, однако есть основания утверждать: в Москву первый сигнал о начале работ над атомной бомбой в Великобритании и США поступил где-то в середине осени 1940 года от все той же «пятерки». Джон Кэрнкросс трудился личным секретарем у некоего лорда – руководителя Комитета по науке. И стихийно, без всяких заданий Центра, наверное, не особенно осознавая важность информации, все же передал предупреждение.

Какова была реакция? Узнать не дано. Недаром Владимир Борисович Барковский упорно повторял: архивные материалы не сохранились. Почему? Вопрос как бы в пустоту.

Блуждает, правда, байка, будто вывезли архивы в совсем сибирский город. И далеко, и холодно, и где вообще сейчас все эти покрывшиеся полувековой пылью секреты.

Но тогда, в начале Великой Отечественной, приблизительно к ноябрю 1941-го Москва встрепенулась. По всем иностранным резидентурам разослали директиву: добывать любые сведения об атомном оружии! И срочно! И резидент в Лондоне Анатолий Горский дал задание все тем же ребятам из «пятерки». Первым откликнулся Маклин. Притащил протокол заседаний английского Уранового комитета. Выходило, что идея создания атомной бомбы успела получить одобрение Объединенного комитета начальников штабов. Больше того, генералы торопили: дайте ее нам через два года. Маклин добыл вполне конкретные данные о том, какой видели для себя англичане конструкцию атомного оружия. На документах – четкие схемы, формулы, цифры.

– Владимир Борисович, а вы общались с Филби, Маклином?

– Нет, это делал Горский. Я туда не вмешивался. Но принес Горский материалы, а в них – технические термины, выкладки и прочая чертовщина. И он мне говорит: «Ты инженер. Разберись. Подготовь для обзорной телеграммы». А там 60 страниц. Я всю ночь корпел, но обзор составил.

– Я правильно понял, Маклин принес оригинал?

– Именно. Один из экземпляров Уранового комитета. То было наше первое соприкосновение с атомной проблематикой. Должен признаться, я тогда не отдавал себе отчета, с чем мы имеем дело. Для меня это была обычная техническая информация, как, скажем, радиолокация или реактивная авиация. Потом, когда я в проблему влез, как следует, и уже появились у меня специализированные источники, я стал понимать.

– Владимир Борисович, ну неужели британская контрразведка настолько бездарно проморгала пятерых таких асов? Утечка-то была жуткая! Ведь посты эти пятеро занимали ключевые.

– Эта утечка у них незаметна до тех пор, пока не начнется утечка у нас. А у нас все было очень здорово организовано. Конспирация соблюдалась как святой завет, чтобы никто не смел догадаться, чем мы занимаемся, что имеем. Могу утверждать: до взрыва нашей атомной бомбы в 1949 году в СССР они не имели ясного представления, что у нас эта работа ведется и где, что конкретно у нас делается, и на какой стадии мы находимся. Предполагать же могли что угодно. Английские и американские физики отдавали должное нашим – Харитону, Флерову, Зельдовичу. Считали их крупными фигурами. Знали, что советская ядерная физика развивается успешно, и какие-то намерения в отношении атомного оружия мы тоже имеем. Но они многое списывали на войну: трудности, безденежье, некогда русским этим заниматься.

Первый взрыв нашей атомной бомбы 29 августа 1949 года был трагедией для их политиков и, понятно, разведчиков. По всем статьям проморгали.

О первом задании – рассказ от первого лица

– Видите ли, я – кондовый научно-технический разведчик. Но как все случилось. Я и не помышлял ни о какой разведке, закончил в Москве Станко-инструментальный, и вдруг совершенно неожиданно приглашают на Старую площадь. Мурыжат долго-долго. Всякие комиссии, разговоры, заполнение анкет, ждите-приходите. А в июне 1939 года приглашают в какое-то укромное место, отвозят в спецшколу и только там сообщают: вы будете разведчиком.

Тогда система подготовки была не такая, как сейчас. Академии и всего прочего не существовало. Маленькие деревянные избышки, разбросанные по всей Московской области. Принималось в спецшколу человек по 15–20. На моем объекте обучались 18 человек, четыре языковые группы – по 4–5 слушателей в каждой. Группки крошечные, и друг друга мы совсем не знали. Да, такая вот конспирация. Она себя здорово оправдывала. Я, например, учился в одно время с Феклисовым и Яцковым. (Знаменитые разведчики, приложившие руку к похищению секретов немирного атома, оба Герои России – *Н.Д.*) Но познакомились мы уже после возвращения из своих первых и весьма долгосрочных заграничных командировок. К чему лишние разговоры, лишние встречи?

Вскоре мы поняли, что нас принялись резко подгонять. Целый ряд предметов был снят, и засели мы только за язык. Занимались совершенно по-зверски. Каждый день – шесть часов английского с преподавателем плюс три-четыре часа на домашние задания.

Не успел я отгулять отпуск, как меня – в английское отделение госбезопасности. Месяц стажировки в МИДе, а в ноябре меня уже откомандировали в Англию. Спешка страшная. Европа воюет, а английской резидентуры как бы и нет. В 1939 году по указанию Берии ее закрыли как гнездо «врагов народа». Отозвали из Лондона всех и агентуру забросили. Только в 1940-м поехал туда резидентом Анатолий Горский. Приказ простой: срочно восстановить связи, отыскать Филби, обеспечить немедленное поступление информации. А на помощь Горскому отправили двух молоденьких сосунков – меня и еще одного парнишку из таких же недавних выпускников.

В Англию я уехал в ноябре 1940-го. Нас в резидентуре – только трое, а работы... О первом соприкосновении с атомной проблематикой я вам уже рассказывал. Горский решил, теперь понимаю, абсолютно верно, что мне, инженеру по образованию, и заниматься научной разведкой. А ведь еще за год до этого о такой специализации у нас и не думали.

Хотя к концу 1940 года в Службе внешней разведки в Москве уже сформировалась маленькая группа из четырех человек во главе с Леонидом Квасниковым (тоже в будущем Герое России. Все названные Барковским коллеги, занимались именно атомной разведкой – *Н.Д.*). Инженер-химик, выпускник Московского института машиностроения, он имел представление о ядерной физике. Следил за событиями в этой области и, конечно, не мог не заметить, что статьи по ядерной проблематике вдруг, как по команде, исчезли из зарубежных научных журналов.

Идея создания атомного оружия витала в воздухе. Над ней задумывались и в США, и в Англии, и в Германии, да и у нас тоже. Но там дело поставили на государственные рельсы: им занимались специально созданные правительственные организации. В СССР ограничились учреждением неправительственной Урановой комиссии в системе Академии наук. Ее задачей стало изучение свойств ядерного горючего – и все. С началом войны комиссия прекратила существование. Между ней и разведкой никаких контактов не было.

Квасников не знал, что есть Урановая комиссия, комиссия и не подозревала, что существует новорожденная научно-техническая разведка. Зато он знал о работах наших ученых, о тенденциях в странах Запада. Выстраивалась стройная система: пора браться за атом-

ную разведку. И родилась директива, на которую откликнулись люди из «Кембриджской пятерки».

Таким было начало. Задания технического профиля резидент Горский передавал уже мне.

Англичане шли в ГПУ добровольно.

– Владимир Борисович, а нельзя ли узнать о ваших личных контактах с агентами поконкретнее? Вы завербовали ученых-атомщиков? Как? Кем были эти люди?

– Ну, не все было так примитивно. Обработывая доклад Маклина, я впервые столкнулся с атомной проблематикой, это и заставило меня засесть за учебники. Я принял на связь человека, который пришел к нам сам, безо всякой вербовки, желая помочь и исправить несправедливость.

– Коммунист? Борец за социальные права? Ведь по вашим правилам работать разведчикам с членами компартий было запрещено.

– Коммунист, но в войну было не до этих самых правил! А несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что от русских союзников утаивались очень важные работы оборонного значения. На первой встрече он мне начал с таким воодушевлением что-то объяснять, а я лишь имел представление о строении ядерного ядра и, пожалуй, не более.

– Это был Фукс, который потом и выдал все атомные секреты?

– Нет, не Фукс. Совсем другой человек. И спрашивает он меня: «Вижу, из того, что я говорю, вы ничего не понимаете?» Признаюсь: «Ну, совершенно ничего». Мне вопрос: «А как вы думаете со мной работать?» И тут мне показалось, что я выдал гениальный по простоте вариант: «Буду передавать вам вопросы наших физиков, вы будете готовить ответы, а я – отправлять их в Москву». И здесь я получил: «Так, мой юный друг, не пойдет, потому что я хочу в вашем лице видеть человека, который понимает хоть что-то из сведений, которые я передаю, и может их со мной обсудить. Идите, – приказывает мне, – в такой-то книжный магазин, купите там американский учебник «Прикладная ядерная физика», мы с вами его пройдем, и вам будет после этого значительно легче иметь со мной дело». Я тоже иного выхода не видел. На мне висели все мои заботы, как кружева, но за учебники я засел. И когда уже вскоре этот человек мне сказал, что со мной можно иметь серьезные дела, я был счастлив.

– Насколько понимаю, информация передавалась бесплатно?

– Абсолютно. Он не только сообщал мне технические данные, но еще и втолковывал смысл, чтобы я уразумел, о чем идет речь. Я составил собственный словарик, который страшно пригодился. Термины все были новые, неслыханные. А люди эти не стоили казне ни фунта – народ инициативный, мужественный, считал помощь Советам моральным и политическим долгом. Касается это, понятно, не одних атомщиков. Когда принимал на связь первого человека, то знал: он радиоинженер. Но как вести себя с ним, как наладить контакт? Однако мы сразу поняли друг друга. Он представления не имел, кто я и о чем собираюсь просить. Рассказал мне: «У нас в Королевском морском флоте создана специальная антимагнитная система для защиты судов от немецких мин. Перед вами встанет такая же проблема, и я принес подробную информацию, как это делается, из каких материалов. А вот схемы, чертежи...» И со всеми людьми, нам помогавшими, отношения были хорошие, чисто человеческие.

– И никто не брал денег?

– Ну, говорю же вам. У меня на связи было... человека (число, по договоренности с собеседником, не называю, но оно совсем немалое. – *Н.Д.*) Правда, не все сразу, а в общей сложности. Но бывало, что человек 15–18 в одно время.

– Владимир Борисович, а тот человек, который сам пришел к вам и просветил нашу разведку и Курчатова относительно секретов немирного атома, – он так и останется для нас мистером Икс?

– Даю стопроцентную гарантию. Имен наших агентов не называли и называть не будем. А тех, кто вышел, как мы говорим, на поверхность, пожалуйста. И добавлю, Курчатов был и без мистера Икс ученым исключительно просвещенным.

– А Икс? Он был известным ученым?

– Не очень. Но непосредственно участником важных исследований. Атомную проблему решали крупнейшие университеты – Эдинбург, Ливерпуль... Да, Икс был в курсе.

– А после войны он сотрудничал с вами?

– С нами. Работал, работал.

– И так же безвозмездно?

– Так же.

– Долго?

– Ну, еще годика три. Затем перешел на преподавательскую работу и некоторые свои возможности потерял. Поддерживал с нами контакты время от времени, однако отдачи от него уже практически не было.

Вот такой получился Фукс

Дело советского атомного шпиона, вернее, агента-помощника, разведчика Клауса Фукса выбивается из общего ряда. Немецкий антифашист и ученый-атомщик передавал ядерные секреты откуда только мог. А судьба забрасывала его, сбежавшего из фашистской Германии, и в американскую атомную колыбель Лос-Аламос, и в британские ядерные центры. Ему не хватало гениальности Оппенгеймера, Бора или Теллера, однако сведения Фукса оказались бесценны. Их ущерб и наш выигрыш в деньгах, а также во времени не измерить никакими миллиардами.

Но, попав в 1950 году в английскую тюрьму, Фукс был оставлен, точнее, брошен, на произвол судьбы. Отсидев девять лет из щедро «отпущенных» ему британской Фемидой четырнадцати, Фукс был освобожден в июне 1959-го за примерное поведение, тотчас уехал в Германию, совсем не Западную. Англичане предлагали Фуксу остаться работать у них. Он же попросил отвезти его прямо из тюрьмы в аэропорт и рванул в Восточный Берлин. Ему шел 49-й год. Но и в дружественной нам ГДР советские товарищи за все годы ни разу не попытались хоть чем-то отблагодарить героя.

Первым это сделал соратник Барковского, тогда уже отставной полковник Феклисов в 1989 году (!). По собственной инициативе и, увы, после смерти ученого. А немец ждал, как рассказала его вдова Маргарита Фукс, до последнего. И еще оправдывал русских друзей, объясняя супруге, а может, и себе, что никого из советских, с кем сотрудничал, в живых, наверное, не осталось... Что же произошло?

Барковский знает. У него своя версия. Я лишь изредка перебивал Владимира Борисовича. Он профессионал, практик и историк. Я – писатель, старающийся разобраться в запутаннейшем лабиринте советской атомной разведки. Что мое мнение по сравнению с его? И все-таки здесь наши точки зрения не всегда совпадали.

Но слово Барковскому:

– Фукс действительно фигура выдающаяся. Причем, сделайте себе обязательную пометку, не всегда и не во всем понятная. Его судьба, вы правы, трагична. Меня лично, детальнейше анализировавшего это дело, берет досада. Знаком с Фуксом не был, но изучал его по сообщениям моего товарища, долго с ним работавшего, читал донесения, документы,

книги. И потому считаю, что в провале Фукса мы сами сыграли какую-то роль, которая привела его к признанию.

Он сын лютеранского священника, защитника страждущих и угнетенных. Приход отца был в рабочем районе. Понятно, Фукс вступил в соцпартию, затем разочаровался и перешел к коммунистам. Активно работал, но засветился и оказался на грани ареста. Компартия ему приказала: уезжай и учись, становись ученым, ты понадобишься будущей Германии. Там фашизм, концлагеря, а ему – о будущем. Он уехал и сам решил помогать нам, исправлять несправедливость.

– Несколько абстрактно. Кто же, где и как, если говорить конкретно, завербовал Фукса?

– Вербовки в принципе не потребовалось. Фукс, осевший в Англии, посоветовался со своим другом. Был такой антифашист Кучински – юрист и экономист по профессии. В советском посольстве его знали очень хорошо. Активист Общества англо-советской дружбы, приглашался к нам на приемы, общался с дипломатами. Ему не составило труда прийти прямо к послу Майскому и предложить: есть ученый-атомщик, который будет вас информировать. Майский пригласил военного атташе и приказал им заняться. И на встречу с Фуксом послали помощника военного атташе Семена Кремера. Интеллигентный, квалифицированный военный разведчик, выделявшийся среди всех остальных сотоварищей из ГРУ. Поддерживал прекрасные отношения со всеми не по долгу службы, а искренне, душевно. Кстати, когда в 1943 году закончилась его командировка, он пошел не в центральный разведывательный аппарат, а попросился на фронт. Закончил войну командиром крупного танкового подразделения, генерал-лейтенантом.

Так Фукс пришел в советскую разведку. Много делал для нас в Англии, и в США поехал уже готовым агентом. Сначала работал в Чикаго, затем в Нью-Йорке и, наконец, добрался до секретнейшей лаборатории в Лос-Аламосе, где творили атомную бомбу.

– Владимир Борисович, а Клаус Фукс – это все-таки не тот таинственный «Персей»?

– Нет, «Персей» – американец. Фукс – немец, работавший под именем «Чарльз». После войны он вернулся в английский ядерный центр Хауэлл, сотрудничал с нами еще года четыре вплоть до ареста. В Хауэлле вокруг него сложилась тяжелая психологическая атмосфера. В 1946 году провалился английский ученый Алан Мэй, выданный предателем. И тут многих англичан-атомщиков начали прощупывать. Американцам казалось, что как раз из группы английских исследователей исходит утечка информации. Едва ли не все они попали под подозрение. Понятно, зацепили Фукса, бывшего, как было американцам известно, социалиста. Есть у нас смутные подозрения, будто то ли в Гамбурге, то ли Бремене американцы наткнулись на гестаповский архив и нашли там дело подпольного коммуниста Фукса. Но эти сведения, ни в каких судебных материалах не фигурировали. И все равно тучи над ним сгущались. Конкретных данных на Фукса, поводов для глумления не было. Неясные подозрения. Я имею право это сказать совершенно четко. Зато травили, прощупывали его почти в открытую, так что и другие ученые заметили. Коллеги сочувствовали, добросердечно сообщали Клаусу: «Тебя в чем-то подозревают, но мы в тебя верим, и будем защищать до последнего». Человека, по существу, приперли к стенке. Не доказательствами – психологически. Сломали и выдавили из Фукса признание: «Я пользуюсь таким доверием со стороны моих английских друзей. Если бы меня разоблачили, в их глазах я выглядел бы предателем. И чтобы остаться верным им и науке, я решил признаться».

Служил ли Нильс Бор советским шпионом?

Что ж, с кем работали и на кого опирались, понятно. Но как тогда быть с набравшей недавно популярность теорией: секреты атомной бомбы выдали Советскому Союзу не середнячки, не простые исполнители, а конгениальные ученые? В книге покойного генерала

Судоплатова, имевшего прямое отношение к атомным проектам, названы имена великого Оппенгеймера и Нильса Бора.

Нильс Бор (1885–1962)

Выдающийся датский физик. создал теорию атома. Автор научных работ по теории атомного ядра и ядерных реакций. Нобелевская премия (1922). Участвовал на стороне союзников по антигитлеровской коалиции в создании атомной бомбы. с симпатией относился к советскому союзу.

Роберт Оппенгеймер (1904–1967)

Выдающийся американский физик, автор трудов по физике атомного ядра, в 1943–1945 гг. фактически руководил работами по созданию атомной бомбы. После Второй мировой войны возглавил Институт фундаментальных исследований в Принстоне. В 1953 году выступил с протестом против работ по водородной бомбе. Тогда же обвинен в «нелояльности» и отстранен от секретных работ. К советскому союзу и его ученым относился с глубоким уважением.

Из монолога Барковского:

– Вот здесь и заблуждение Судоплатова. Бред это. Хотя вполне в стиле Судоплатова. Типичная сталинская подоплека о сотрудничестве иностранных знаменитостей с советской властью. Не шли они на такое.

Короче, после того как американцы испытали свою атомную бомбу и отбомбили Хиросиму и Нагасаки, Сталин принял решение перевести все наши атомные работы на гораздо более высокий уровень. При Государственном комитете по обороне создали Специальное управление № 1 под председательством Берии. А при нем – Технический совет, которым руководил министр боеприпасов Ванников. В НКВД организовали отдел «С» – по фамилии Судоплатова. Он вел партизанские дела, но война закончилась, и генерала надо было куда-то пристраивать. В задачу отдела «С» входила обработка всей информации, которую добывала разведка по атомной проблематике, включая и данные от военных из ГРУ. Раньше все эти секреты известны были одному Курчатову. Но даже он только делал себе заметочки, а самих текстов не имел. Теперь же информация пропускалась как бы по второму кругу: переводили, анализировали, доводили до сведения курчатовских помощников. В принципе решение абсолютно верное.

Второе задание отделу «С» сформулировали так: искать в Европе ученых – физиков, радиолокаторщиков..., которые бы пошли на контакт с нами. Либо приглашать их в Советский Союз, либо договариваться о сотрудничестве там, на месте. И вот это уже – из области мифологии. Европа была опустошена, обсосана американскими и английскими спецгруппами, которые раньше нас принялись за дело: заманить светлейшие европейские умы к себе, поселить в Штатах, использовать в собственных целях обнищавших светил. А не удастся – так за какие угодно деньги буквально перекупать любую атомную информацию. Из советской зоны оккупации Германии все находившиеся в ней ученые моментально перебрались на Запад. Ушли даже с нами до того сотрудничавшие. Правду, горсточку людей все же перевезли из Восточной Германии в Подмоскovie. Но Судоплатову надо было как-то оправдывать существование свое и отдела «С». Требовались акции, почины, громкие имена. Так родилась безумная идея с Нильсом Бором. С высочайшего дозволения и по подсказке лично Берии, решили отправить к нему целую делегацию работников отдела «С». Узнали, что Бор вернулся в Данию, и поехали.

К собственному удивлению, возглавил группу только-только в отдел призванный доктор наук физик Терлецкий, знавший в определенных пределах английский, особенно тех-

нические термины. Работал с развединформацией как профессионал-ученый: сортировал, комплектовал, обобщал.

Но вопросы Нильсу Бору придумал даже не он. Сформулировали их настолько элементарно, были они так просты, что я никак не могу понять, зачем вообще все это затевалось. Преподнести себя повыгоднее Сталину?

Бор, человек деликатный, интеллигентный, к СССР хорошо относившийся, не мог отказать во встрече. Беседы в Копенгагене состоялись. О том, что такими вот randevу рискуют подставить Бора, Судоплатов, конечно, не думал. А Терлецкий стеснялся, нервничал. Он-то понимал, с какой величиной имел дело. Однако этика этикой, а отказаться выполнить личное задание Берии не осмелился. Вопросы задал через приставленного к нему судоплатовского переводчика. Разговорным английским Терлецкий владел неважно.

Насколько же перекрывался нашей развединформацией этот список вопросов Судоплатова, и говорить нечего. Бор ничего ценного не сказал. Отвечал в общих направлениях. Да еще сообщил своей службе безопасности о визите. Понятно, хотел подстраховаться.

Результат миссии – нулевой. Зато из отдела «С» к Сталину пошло бравурное сообщение об умело выполненной операции. Понятно, что ответы Нильса Бора передали Курчатову. И он, досконально в проблеме разбиравшийся, дал всей этой показушной шумихе очень скромненькую оценку. Еще раз твердо повторяю: поездка получилась пустой.

Никакой помощи от Бора, Оппенгеймера и других столь же великих ни Курчатов, ни разведка никогда не имели. Давайте расстанемся с мифами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.